Фаворит. Книга вторая. Его Таврида. Том 4

Автор:
Валентин Пикуль

Фаворит. Книга вторая. Его Таврида. Том 4

Валентин Саввич Пикуль

Фаворит #2

Роман «Фаворит» – многоплановое произведение, в котором поднят огромный пласт исторической действительности, дано широкое полотно жизни России второй половины XVIII века. Автор изображает эпоху через призму Действий главного героя – светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, фаворита Екатерины II; человека сложного, во многом противоречивого, но, безусловно, талантливого и умного, решительно вторгавшегося в государственные дела и видевшего свой долг в служении России.

Валентин Пикуль

Фаворит. Книга вторая. Его Таврида. Том 4

© Пикуль В.С., наследники, 2007

© ООО «Издательство «Вече», 2007

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

Действие четырнадцатое. Предупреждение

Нужно ехать в Россию, чтобы увидать великие события. Если бы вам сказали в ваши детские годы, что… русские, которые были толпою рабов, заставят дрожать султана в Константинополе, вы приняли бы эти слова за сказки… На земле нет примера иной нации, которая достигла бы таких успехов во всех областях и в столь короткий срок!

Вольтер

1. Опасные карьеры

Потемкин всегда был противником дуэлей, отвергая их суть по той лишь причине, что подлец, умеющий стрелять, может убить честного человека, стреляющего неумело; светлейший вопросы чести разрешал на свой лад… Вот и сегодня пришел с просьбой об отставке храбрейший воин, князь Цицианов, оскорбленный пощечиной подчиненного, после чего служить ему не желалось. Потемкин вспомнил, как в молодости был со звериной лютостью избит братьями Орловыми.

– Ежели сатисфакции у обидчика не просил, так поделом и дали тебе, – рассудил он. – Опять же, если ты завтрева пьян напьешься и меня за ногу кусать станешь, так нежели мне, братец, из-за глупости твоей карьеры доброй лишаться? Нет уж, миленький, иди-ка да послужи отечеству!

Григорий Орлов, бежав из-под надзора братьев, недавно объявился в столице. Екатерина уговорила безумца на проживание в Мраморном дворце, вокруг которого расставила караулы. Вряд ли какая сиделка, даже самая терпеливая, вынесла бы все то, что снесла императрица от Орлова, за которым сама же и вызвалась ухаживать, – брань, угрозы, плевки, безумные речи, похоть и осквернение, самое мерзостное. «Орлов, – писал один современник, – умирал в ужасном состоянии…» Записки Екатерины, посланные ею Потемкину, были в ту пору наполнены хорошими словами. В конце своих посланий она не забывала упомянуть: «Саша велит тебе кланяться». Саша – это Ланской, который удобно

поместился в сердце стареющей женщины, и с языка императрицы все чаще срывалось: «Саша сказал… Саша насмешил… Саша восхитился…»

В русской истории век осьмнадцатый – бабий!

Начиная с 1725 и до 1796 года престол России, исключая короткие паузы, занимали одни женщины. Если же обратиться в глубину века семнадцатого, из мрака застенков глянут глаза несчастной царевны Софьи, впервые на Руси заявившей о праве женщин занимать в стране самое высокое положение. История фаворитизма в России еще никем не была писана, а – жаль…

Петр I однажды имел беседу с иноземным послом.

– Знаете ли вы, что такое фаворит? – спросил он.

– Человек в полной мере счастливейший, не так ли?

– Вы ошиблись. Фаворит уподоблен рогам могучего быка: на вид очень грозные, они изнутри пустые…

Фаворитизм – явление для монархии закономерное, особенно в такие моменты истории, когда престол занимала женщина, да еще не в меру темпераментная. Во все времена и во всех государствах фаворитизм извечно произрастал, как шампиньоны на кучах навоза. Россия не избежала общей участи. Но пожалуй, только Екатерина II превратила фаворитизм из явления постыдного, которое надо утаивать, в дело большой важности, открытое для всех, как стезя служебная, награждений достойная. Свои женские слабости она не постыдилась возвысить до степени государственного значения… В дружеской беседе с графом Строгановым императрица однажды сказала:

– Старая мадам де Веранс безумно любила молодого Жан-Жака Руссо, и никто ей этой любви в упрек не ставил. Я же виновата с ног до головы… Откуда знать, Саня? Может быть, я воспитываю юношей для блага отечества.

Строганов высмеял свою подругу, и тогда Екатерина обозлилась:

– Послушай, друг мой! Вы, мужчины, состарившись, бегаете за молоденькими. Юных козочек вы, козлы расслабленные, сережками да деньгами приманиваете. Так почему пожилым женщинам нельзя молодых любить?..

Александр Ланской был моложе ее на тридцать лет. Он вышел из обнищавших дворян. Парень крупного телосложения. Держался прямо. Цвет лица имел здоровый. При вступлении в «должность» (иначе тут не скажешь) получил от императрицы коллекцию медалей и собрание книг по истории. Теперь одни лишь пуговицы на его кафтане стоили 80 тысяч рублей. Ланской оказался любителем искусств, он постигал книги Альгаротти, на токарном станке вытачивал камеи, столь модные тогда в кругу аристократии. Ланской всегда оставался равнодушен ко всему, что лично его не касалось, и очень дорожил своей карьерою. Фавориту казалось, что привязать к себе Екатерину он может лишь прыткостью, почти воробьиной, и Ланской обратился к помощи врача лейб-гвардии Григория Федоровича Соболевского; выслушав его мужские опасения, штаб-доктор заверил молодого человека:

– Я сделаю из вас античного Геркулеса…

– Вы мой спаситель! – сказал фаворит Соболевскому, который, излишне возбуждая Ланского, мечтал таким путем обрести придворное звание гоф-медика, камер-медика и даже лейб-медика.

…

Дисциплина в народе поддерживалась наказаниями. Если кто украл не больше 20 рублей, сажали в «работный дом» и томили до тех пор, пока своим трудом не возместит потерпевшему эту сумму. Кто стянул вещей или денег больше чем на 20 рублей, тому в начале «трудового воспитания» задавали хорошую встрепку, а по отбытии наказания секли уже «через палача» – кнутом, чтобы помнил почем фунт лиха! Уголовный люд, обретя свободу, спешил укрыться от гнева божия в трактирах Охты и деревни Автовой, растекался по злачным вертепам кварталов Коломны. Порядочные люди сюда не заглядывали. А если кто из господ и был охоч до «клубнички», то делал это аккуратно, одевшись простенько, чтобы его там не приметили.

Петербург досыпал. Под утро бравый сержант по фамилии Дубасов начал ломиться к Таньке, давно им облюбованной.

– Танька! – стучал он кулаком в двери. – Или отворяйся, или весь дом взбулгачу. Ты меня знаешь: я есть сержант Преображенской лейб-гвардии… нам ждать нельзя: мы дворяне!

Танька уже имела при себе гостя, да столь невзрачного и так «подло» одетого, что Дубасов девку пристыдил:

– На што тебе эка рожа-то сальная? Добро бы хоть купца какого избрала, а то ведь и глядеть-то на этого хряка страшно. А ты, чучело гороховое, каким побытом сюда проник?

– Через двери, – отвечал гость, молотя зубами от страха. – По доброму согласию.

– Вошел в дверь – через окно выйдешь… за борт!

И с этими словами сержант просунул любителя в окошко и выронил со второго этажа – прямо на грядки с клубникой: шлеп! Танька помогала сержанту ботфорты снимать.

– Да я, миленький, и не звала его, – говорила девка, ласкаючись. – Я ведь одного тебя жду. Изнылась уж! А он этаким змием под одеяло-то и вполз. Сказывал, что по таможне службу имеет. Ежели не покорюсь, так он меня, бедную, в Кизляр или в Моздок отправит. Я со страху-то покорность и явила ему… ну-кась, и впрямь меня в Кизляр?

В обитель любви вдруг явилась хозяйка заведения.

– Погубил, погубил! – застонала Гавриловна. – Кого ж ты, злыдень окаянный, в окошко-то выкинул?

– По таможне какого-то. Не велик барин!

– Свят-свят… Да ведь это сам Безбородко был.

Дубасов выглянул в окно: там клубника вся измята.

– Какой еще Безбородко? Уж не тот ли…

– Тот! Он самый и есть. Ой, лишенько накатило!

Дубасов поспешно натянул ботфорты, стуча зубами не хуже Безбородко. На всякий случай дал Таньке кулаком в ухо:

– А ты чего заливала мне тут, будто он из таможни?

Танька ударилась в могучий рев:

– Да откель мне знать-то, господи? Несчастненькая я! Вот и верь опосля мужчинам-то. Говорят одно, а сами…

Гавриловна вцепилась ей в патлы:

– В науку тебе, в науку! Будешь чины различать… Я те сколь раз темяшила: по чинам надо, по чинам, по чинам!

Сержант, готовый, как на парад, спешил к двери:

– Ой беда! Ведь завтрева к Шешковскому вызовут. А там уж такие узоры разведут на спине, будто на гравюре какой…

– Обо мне ты, нехрись, подумал ли? – кричала Гавриловна. – С места мне не сойти: вынь да положь полтину за волнения мои. Танька, не пущай яво, держи дверь. Комодом припирай!

С третьего этажа стучали в пол.

– Дайте поспать, сволочи! – вопили соседи. – Нешто ж нам из-за вас кажиную ночку эдак маяться?..

Ровно в семь утра Безбородко был в кабинете царицы.

– Слышал ли? – спросила Екатерина. – Прибыл посол царя грузинского – князь Герсеван Чавчавадзе, любимец Ираклия… У тебя, надеюсь, готов ответ мой для Тифлиса?

Безбородко, держа перед собой бумагу, внятно и толково зачитал ей текст ответа грузинскому царю, обещая от имени России помощь в солдатах и артиллерии. Екатерина внимательно выслушала и осталась довольна:

– Только в одном месте что-то не показалось мне убедительно. Дай-ка сюда бумагу свою – я поправлю.

Безбородко рухнул на колени:

– Прости, матушка! Лукавый попутал. Всю ночь не спал, с грациями забавлялся, лишку выпил… Уж ты не гневайся.

Екатерина взяла от него лист: он был чистый.

– Импровизировал? Талант у тебя. За это и прощаю. Но зажрался, пьянствуешь, блудишь… свинья паршивая! Иди прочь. Домой езжай. Да выспись. Я сама за тебя все сделаю…

Вечером того же дня сержант Дубасов впал в меланхолию. Дивный образ Степана Ивановича Шешковского в святочном нимбе венков погребальных не шел из памяти – хоть давись. «Не, не простят…» В конуру жилья сержантского явился фельдфебель.

– А ну! – объявил он. – Коли попался, так и следуй…

Все ясно. Вышли на ротный двор. Там уже коляска стояла, черным коленкором обтянутая. Дубасов, перекрестясь, головою внутрь ее сунулся, чтобы ехать, но его за хлястик схватили:

– Не туды! Это казну в полк привезли…

Привели в полковое собрание. А там господа офицеры супчик едят, и майор с ними – гуся обгрызает. Майор очки надел, из конверта бумагу важную достал.

– Слушай, – объявил всем суровейше.

Дубасова вело в сторону. «Ой, и зачем это я с Танькой связался? Говорила ж мне маменька родная: не водись ты, сынок, с девами блудными…»

– «…сержант Федор Дубасов, – дочитал бумагу майор, – за достохвальное поведение и сноровку гвардейскую по указу Коллегии Воинской жалуется в прапорщики, о чем и следует известить его исполнительно…» Подать стул господину прапорщику!

Стали офицеры Дубасова поздравлять:

– Скажи, друг, что свершил ты такого?

– Было, – отвечал Дубасов кратко. – И еще будет…

Майор указывал перстом в потолок.

– Это свыше, – говорил он многозначительно. – От кого – знаю. Но произносить нельзя. Не спрашивайте.

– А и повезло же тебе, Дубасов! – завидовали офицеры.

– В карьере жду большего, – важничал прапорщик.

Облачась в мундир новый, он взял извозчика:

– На Мещанскую – к Таньке… прах и пепел!

– Чую, – сказал кучер и тронул вожжи…

Танька обнимала купца со Щукина двора; от «изукинца» пахло снетками псковскими. Был он дюж – как Илья Муромец.

– Тихон Антипыч, – сказала ему Татьяна, – мужчинам верить нельзя. Глядите сами: рази ж такое бывает? Побожусь, как на духу: с утрева в сержантах был, а ввечеру офицером стал… опять меня, бедненьку, в чинах обманывают. Уж вы, милый друг, не дайте мне опозориться: примите его, как положено.

– Счас бу! – сказал изукинский торговец снетками…

Соседи по дому молотили в потолок, в стенки:

– Чумы на вас нету! Когда ж уйметесь, проклятые?..

Что с ним приключилось, Дубасов даже по прошествии полувека (уже на покое, в отставке генералом) вспоминать не любил.

– Одно скажу вам, внуки мои, – говорил он потомству, – у Шешковского всяко делали, но комодами не били. Благородство дворянское свои законы блюдет. Ты, конечно, пори. Но за комод не хватайся. Потому как у меня герб имеется.
А энтот, который снетками вонял… у-у-у! – И генерал в отставке зажмуривался.

…Отныне Безбородко в Коломну сопровождали двое: полтавский дворянин Судиенко и столичный кавалер Вася Кукушкин. За верную службу в сенях, подворотнях и на лестницах оба они дослужились до чина статского советника. А про Таньку история памяти не сохранила. Если же она и впрямь соседям прискучила, так, может, и отправили ее в Моздок или в Кизляр. «Чтобы себя не забывала!» – как тогда говорилось.

Княгиня Дашкова навестила своих крестьян, которых, писала она, «нашла ленивыми и грязными. На десять человек приходилась одна корова, на пять крестьян – одна лошадь… Погода была великолепная, я заставила их плясать на лугу и петь наши народные песни». В этом признании она до конца обнажила свое крепостническое нутро. Отношения же Романовны с императрицей всегда были излишне нервные, женщины с трудом переваривали одна другую, постоянно скользя по лезвию обоюдной ненависти. Что-то спекулятивно-грязное и нечистоплотное издавна пронизывало их вульгарное содружество.
«Развращенного тщеславия у Романовны больше, нежели разума, – говорила Екатерина при дворе, – и суета ее не есть признак здравой деятельности…»
И уж совсем тогда не понять, почему именно Дашкову она поставила во главе

Академии! Сделав княгиню в центре внимания общества, не хотела ли она подвергнуть ее общему остракизму? Ясно: императрица возвысила Романовну не ради науки, а ради себя и своей славы: пусть Европа еще раз ахнет, что Россия – первая в мире! – доверила женщине Академию научную…

Дашкова поступила умно, заехав к Эйлеру на дом, где и просила его, чтобы именно он представил ее академикам.

– Обещаю никогда более не тревожить вас подобными просьбами, – сказала она ему; и, появясь в Академии, извинилась перед ученым синклитом за свое невежество. – Но я свидетельствую уважение к науке, а предстательство за мою скромную особу Леонарда Эйлера да послужит ручательством моих слов…

Сенат запрашивал Екатерину – приводить ли Дашкову к присяге как чиновника государства? «Обязательно, – отвечала императрица, – я ведь не тайком назначила Дашкову». «В июле, – писала Дашкова, – мой сын возвратился из армии, посланный с депешами, возвестившими об окончательном подданстве Крыма». Потемкин был единственным из вельмож, который не стал врагом Дашковой. А княгиня настаивала перед ним, чтобы ей позволили представляться Екатерине обязательно с сыном.

– Разве мой сын не стоит того? – горячилась она.

Ее сын был сделан командиром Сибирского пехотного полка. В молодом князе Павле Дашкове было все что надо: внешность и здоровье, образование и светскость. Не было главного, что определяет человека в обществе, – характера! Свой характер он подчинил материнскому деспотизму, а стоило ему оторваться от матери, и аристократ напивался хуже дворника. Когда Екатерина впервые увидела, как дворцовые лакеи под руки сводят по лестнице молодого Дашкова, она брезгливо фыркнула:

– Этим-то на Руси никого не удивишь! Но стоило для сего дела кончать Эдинбургский университет? Романовна сулила нам сделать из него нового Дэвида Юма или Адама Смита, а получился у нее офицеришка, по углам блюющий…

Прогуливаясь с императрицей в парке Царского Села, Дашкова завела речь о красотах языка русского, о его независимости от корней иностранных.

Екатерина охотно соглашалась:

– С русским языком никакой другой не может, мне кажется, сравниться по богатству.

Из беседы двух гуляющих дам возникла мысль: нужна Академия не только научная, но и «Российская», которая бы заботилась о чистоте русского языка, упорядочила бы правила речи и составила словари толковые… Вводя в обиход двора русский национальный костюм, Екатерина желала изгнать не только чуждые моды, но и слова пришлые заменить русскими. Двор переполошился, сразу явилось немало охотников угодить императрице, ей теперь отовсюду подсказывали:

– Браслет – зарукавье, астрономия – звездосчет, пульс – жилобой, анатомия – трупоразодрание, актер – представщик, архивариус – письмоблюд, аллея – просад…

Екатерина долго не могла отыскать синоним одному слову:

– А как же нам быть с иностранною «клизмою»?

– Клизма – задослаб! – подсказала фрейлина Эльмпт.

– Ты у нас умница, – похвалила ее царица…

В честности Дашковой она не ошиблась: Романовна стерегла финансы научные, у нее копеечка даром не пропадала. Однажды, просматривая табель расходов Академии, княгиня обратила внимание, что две бочки спирту уходят куда-то… уж не в сторожей ли? Она позвала хранителя кунсткамеры:

– Куда спирт девается?

– Нередко подливаем его в банки, в коих раритеты хранятся, ибо истопники да полотеры иногда похмеляются.

– Принесите сюда эти банки, – велела Дашкова.

В голубом спирте, наполнившем банки, тихо плавали две головы – мужская и женская, тоже ставшие голубыми.

– Какие красавцы… кто такие?

– Издавна помещены в Академию, одна голова фрейлины Марьи Даниловны Гамильтон, другая – Виллима Монса…

На ближайшем куртаге в Эрмитаже княгиня выставила эти банки на стол, чтобы гости императрицы полюбовались.

– Красивые были люди! – заметил Строганов.

– История старая как мир, – ответила Дашкова.

Мария Гамильтон была фавориткой Петра I, который и отрубил ей голову за измену, а потом отсек голову и – камергеру Виллиму Монсу, который был любовником его жены, императрицы Екатерины I, – история, конечно, старая. И довольно-таки страшная.

Екатерина велела эти головы, из банок не вынимая, тишком вывезти куда-либо за город и на пустыре закопать.

– Однако, – сказала она, – во времена давние галантное усердие фаворитов было профессией опасной. Не так, как в веке нынешнем, когда монархи сделались просвещенными…

2. «Бысть мор на людех»

Иван Евстратьевич Свешников вернулся на Родину. Шувалов удивился его возвращению из Англии – столь раннему.

– Надоело! – пояснил парень. – Русскому на чужбине делать нечего: у них там свои дела, у нас свои. Да и пьют милорды так, что редко с трезвым поговоришь…

Иван Иванович, прославленный опекою над Ломоносовым, пожелал увенчать себя лаврами меценатства и над вторым самородком. Шувалов сказал, что Свешников вполне может занять кафедру в университете – хоть сейчас:

– Не пожелаешь профессором быть, так предреку большие чины в службе государственной. Что манит тебя?

– Если бы мне сто лет жизни да библиотеку такую, какая у вас, так я бы свой век почитал наисчастливейшим.

Дни и ночи проводил он среди шуваловских книг; разложив на полу кафтанишко, сидел на нем и читал. Ради отдыха душевного иногда составлял мозаичные пейзажи из зерен злаков, из соломы и разноцветных лишайников. Получалось на диво живописно, и Шувалов развешивал эти картины среди полотен своей галереи. Вельможа хотел бы обрести на Свешникова личную монополию, но Петербург, ученый и светский, просил его не таить самородка в своих палатах – ради диспута открытого, публичного. В назначенный день собрались почтенные люди, среди них была и княгиня Дашкова, горевшая желанием учинить экзамен сыну крестьянскому… Екатерина Романовна сняла с полки томик Руссо.

– Переведи и объясни писаное, – велела она.

Свешников не переводил, а просто читал с листа, как будто текст был русским, попутно подвергая Руссо здравой критике, говоря, что «много нагородил он несбыточного».

– А докажи, что несбыточно, – требовала Дашкова.

Свешников сказал: читать Руссо, наверное, и заманчиво, если ренту иметь постоянную да жить на дармовых хлебах в замках у меценатов, но воспитание людей в духе Руссо пагубно, ибо любая утопия далека от жизни и ее повседневных тягостей:

– Да мы все с голоду умрем, ежели Руссо поверим!

Свешникова закидали разными вопросами – из древней истории, из литературы и математики. Ответы его были скорые, верные. Судили не поверхностно, было

видно, что все сказанное давно им обдумано. Иван Перфильевич Елагин допытывался:

– Скажи нам, как же ты, в подлом состоянии крестьянина пребывая, умудрился все это постигнуть?

– А я с детства пастухом был, коров с телятками пас, мне скоты никогда не мешали науками заниматься. Я, бывало, на рожке им сыграю, потом снова за книгу берусь…

Среди гостей были члены Синода и ученый раввин.

– Поговорите на древнееврейском, – просил его парень; раввин охотно исполнил просьбу. – Благодарю вас, – ответил Свешников, – я вашего языка не знаю, однако на слух мне кажется, что в изучении он не так уж труден.

– Он очень труден, – остерег его раввин.

– За полгода берусь и его освоить…

Екатерина Романовна заявила ему:

– При множестве свидетелей предлагаю вам место при Академии и верю, что на скрижалях науки российской ваше имя сохранится вровень с именем ломоносовским.

– Ломоносов свят для меня, ваше сиятельство! Но званий в науке не ищу! Не звание, а знание для меня краше любых академических титулов. Вы уж извините, что я так сказал.

И он неловко, по-крестьянски, поклонился собранию.

Эйлера уже не стало. Он рассуждал о планете Венере, только что открытой, когда ощутил сильное головокружение. Эйлер никогда не умирал для России – он лишь перестал вычислять. Среди провожавших его в последний путь были и Потемкин с Безбородко.

– Я думаю так, – сказал светлейщий, возвратясь с кладбища, – ныне возникла нужда особая учинить перед миром волшебную картину наших успехов на юге. А для сего необходимо, Александр Андреич, матушку из дворцов ее в Тавриду вытащить.

– В эку даль? – сомневался Безбородко. – Поедет ли?

– Поскачет как миленькая, коли мы велим…

Потемкин съездил до Систербека (Сестрорецка), где работал оружейный завод, не только кующий оружие для войны, но и мастерящий из отходов железные решетки, лестничные перила и кровати. Директорствовал здесь Христофор Леонардович Эйлер, сын покойного математика, давний приятель светлейшего по жизни в разгульной Запорожской Сечи. Потемкин всем на заводе остался доволен, но кровати ему не понравились:

– Хорошо ли – железо на лежанки переводить?

– Купчихи спят на таких кроватях охотно.

– Еще бы! Каждая бабища по двадцать пудов весом…

– А куда же нам излишки девать? – спросил Эйлер.

– Только на оружие! – отвечал Потемкин.

Он быстро собрался и отъехал на юг – к чуме.

…

Смерть смерти рознь: тут, в Херсоне, она смердящая, без мыслей, с животным страхом, в зловонии падали и уксуса. Несторы прошлого затупили перья в описаниях лютых гладов, пожаров и небесных знамений. Но средь прочих бедствий всенародных всегда с ужасом поминали «бысть мор на людех», и

перед этой фразой меркли все остальные бедствия. И никто не знал, откуда являлась смерть неминучая, а потому летописцы находили мору одну причину: «грех ради наших…» История борьбы с чумою не раз являла миру образцы жалкой трусости и примеры высокой доблести. Всегда будем помнить: когда великий врач Гален бежал из чумного Рима, объятый страхом, другой великий врач, Парацельс, въезжал в чумной Рим, страха не ведая!

Потемкин прибыл в Херсон – прямо в заразное гноище.

Смерти не страшился; мужественно обходя город и казармы, верфи и склады, велел жечь тряпье, убирать трупы.

– Помру, но не сейчас, – говорил он…

Из Севастополя сообщили: скончался от чумы вице-адмирал Клокачев, – кто скажет, где спасенье и в чем? То ли нам водку пить, то ли не пить? То ли унывать, то ли веселиться? Многие врачи были убеждены, что воздух насыщен мельчайшими живыми существами, которые при вдохе попадают внутрь человека, отчего и гибнет он от чумы, берущей начало в краях эфиопских.

– Так что же, и не дышать мне прикажете? – спрашивал Потемкин. – Эвон капитан Ушаков своих матросов и артели работные за город вывел, поселил отдельно, у него дышат во всю ивановскую, а смертей избегают… Чем вы объясните мне этот казус? Или матросы приучены не той дыркой дышать?

В позолоченном фаэтоне он прикатил в лагерь Ушакова:

– Здравствуй, Федор, покажи нужник.

– Вам по быстрой надобности, ваша светлость?

– По быстрой. Давно дерьма чужого не видел. – Заглянул он, сверкающий бриллиантами, в яму выгребную: – Вижу, что и здесь чисто. А мертвяки у тебя где?

– Которые были, тех подальше от жилья закопали.

– А вакантные на тот свет имеются ли?..

За камышами были отрыты землянки, в них, полностью изолированные, изнывали в страхе матросы и рабочие, которых заподозрили в наличии у них чумной язвы. Ушаков объяснил:

– Еду и воду им носим. Положив, убегаем от них.

– Ну и верно! Тут не до целований…

Войнович, кажется, уверовал в опасность дыхания, общаясь с людьми через дым можжевельника, сквозь угар дыма порохового. Потемкин вытащил его, робкого, в Глубокую Пристань, велел показывать, как размещены пушки в деках новых фрегатов. Марко Войнович просил не работать на верфях – до окончания эпидемии.

– Ни в коем случае! – ответил Потемкин. – Ежели все будут строго соблюдать себя, как делано в командах Ушакова, чума побита останется… Пусть рабочие друг друга сторонятся, от чужих да больных подалее. И пусть они чеснок едят!

Иван Максимович Синельников, хороший друг Потемкина, привез из Кременчуга доктора – Данилу Самойловича.

– С ножом гоняемся, – сказал губернатор. – Неужто не зарежем чуму окаянную? Вот, светлейший, доктор тебе.

Самойлович чумою уже переболел – еще в Москве, когда бунт случился, – и теперь почитал себя бессмертным.

– А что такое чума? – спросил его Потемкин.

– Сам не знаю. Но «чума» слово не наше – турецкое, «карантин» же – слово итальянское, «сорок дней» означает…

– Слушай! – сказал ему Потемкин. – Уже была чума в Месопотамии, коей султаны владеют. А не так давно эскадра Гасана хотела Тамань брать, но пока плыли, все море покойниками закидали. Разве не может так быть, что с берегов Евфрата

караваны в Турцию пришли чумой зараженные, занесли язву в аулы татарские – и нам в избытке того же досталось.

– Согласую ваше светлейшее мнение, – ответил Самойлович. – Хотя язва в Херсоне не столь свирепа, каковая в Москве случилась. В мизерных насекомых не верю. Хочу знать природу чумную – животная или не животная она? Гной с трупов беру, под микроскопом его давно изучаю… Жаль, очень слабая оптика.

– Какие лучшие микроскопы? – спросил Потемкин.

– Те, которые Деллебар изобрел.

– Есть у тебя такой?

– Нету. Да и где взять-то?

От верфей пробили барабаны, на мачту фрегата медленно полз черный флаг, – в экипаже объявилась чума. С форта надсадно стучали пушки, играли оркестры: это Марко Войнович отпугивал чуму сильными звуками, будто злого волка от родимой деревни.

– Деллебара тебе достану, – сказал Потемкин. – Из Парижа выпишу. Он твой. Заранее дарю тебе.

– Благодарствую вашей светлости.

– А за это будешь главным врачом в моем наместничестве. Мешать не стану. А не поладим – выкину. Вот и все. Работай…

Потемкин писал Екатерине, чтобы Федор Ушаков за проявленное усердие и бесстрашие в борьбе с чумою был отмечен ею.

…

Екатерина наградила Ушакова орденом Владимира четвертой степени; она писала Потемкину, чтобы не давал кораблям имен с большим патетическим смыслом, ибо они иногда обязывают экипажи к немыслимым действиям, дабы оправдать свое громкое название. «Из Цареграда получила я торговый трактат, совсем подписанный, и сказывает Булгаков, что они (турки) знают о занятии Крыма, только никто не пикнет… я чаю, после Байрама откроется, на что турки решатся». Потемкин указал, чтобы управление Тавридой перевели из непригодного Карасубазара в город Ак-Мечеть, дав ему новое название – СИМФЕРОПОЛЬ (что значило «Соединяющий»).

Прохор Курносов, повидавшись с Потемкиным, умолял отпустить его с сиротами на родину – в Архангельск:

– Здесь я не могу остаться. Все время ее вижу, от могилки не оторвусь. Плачу часто и пью шибко. Раньше-то, бывало, коли что не так делаю, Аксинья поедом ест. А теперь я совсем стал несчастным – и побранить меня некому.

– Я тебя побраню… А земли крымской хочешь?

– На что она мне? – приуныл Курносов.

– И мужиков дам. Всякий дворянин обязан по владенью земельному приписан быть к губернии. Вот и станешь помещиком.

– Я в воле урожден и других неволить не хочу.

Потемкин сказал, чтобы не дурил и ехал в Севастополь.

– Там верфей нету, что мне там делать?

– Зато флот собирается. Будешь кренговать корабли ради их ремонта, город и гавань основывать.

– Градостроительству не обучен.

– Я тоже не Палладио… однако строю. Езжай, братец, от могилки жениной да от кабаков наших подалее. А земли я тебе все-таки отрежу, – сказал Потемкин. –

Возле деревни татарской, коя называется Ялтою… владей! Будешь соседом моим. Я недалече от Ялты взял для себя Массандру, взять-то взял, да теперь сам не придумаю – какого рожна мне там надобно?

– А куда я детишек дену? Выросли. Учить бы…

– Забирай с собой. Учи сам, – ответил Потемкин. – Когда в возраст придут, мы их в Морской корпус засунем…

Поздней осенью на фрегате «Перун» Курносов с близнецами своими отплыл из Глубокой Пристани. Днепровский лиман вихрило мыльной пеной. Петя с Павлушей, еще дети, любопытствовали:

– А что там справа чернеет, тятенька?

– Это крепость Очаков, где гарниза турецкая.

– А слева эвон желтеет?

– Это, детушки, коса Кинбурнская, земля уже нашенская. У начала косы Суворов крепостцу основал. Тоже с гарнизой…

На рассвете «Перун» вбежал в Ахтиарскую бухту Севастополя. Далеко на холмах паслись отары овец. По берегу теснились мазанки, подымливала кузница, виднелись кресты на кладбище. Шумели старые дубы, всюду ярились багровые заросли кизила.

– Ну вот, – сказал Прохор, – здесь и жить станем…

Флаг-офицер Дмитрий Сенявин упрекнул его:

– На што, маеор, сопляков своих привез?

– Сироточки. Не топить же мне их…

Черный пудель шнырял по кустам, радовался свободе. Сенявин показал, где брать воду (с водою было плохо). Громадные черные грифы, распластав крылья, летели из степей Крыма к морю, чтобы кормиться дельфинами, умирающими возле берега.

– Что у вас тут хорошего-то? – спросил Прохор.

– Да все худое, – ответил Сенявин. – На берегу-то еще так-сяк, жить можно, а экипажи на кораблях зимуют. Зыбь с моря идет сильная, дров нету, в кубриках и каютах холодно.

– Надо бы и баньку строить, – сказал Курносов.

– Тут все надо строить. Не знаю, с чего начинать…

Первые дни Прохор блуждал в окрестностях Севастополя, выискивал, где лучше песок и глина. Матросы выжигали известь, лепили кирпичи, от горных ключей тянули желоб водопровода, возникла первая пристань – позже Графская. Наконец в зодческом азарте взялись за древний Херсонес, в руинах которого сбереглись столбы и карнизы, плиты античных мостовых. Первый док на случай осады должен служить и бассейном для хранения воды. В городе, едва намеченном, появились осторожные, пугливые мужики, избегавшие начальства. Курносов их спрашивал:

– Откуда вы и что вам надобно?

– Да мы так. Мы тихие.

Ясно стало, что потому и «тихие», что от помещиков ради воли бежали.

– Ежели так, – рассудил Курносов, – разбирай лопаты и тачки. Вечером с меня каждый пять копеек получит – сыт будет…

Незаметно выросли первые дома из камня, даже красивые, стали класть печки, каждый гвоздик берегли, каждую досочку холили. Из моря хватали все, что выкинет: концы тросов, разбитые шлюпки, смолистые деревья, из Колхиды бурями принесенные, даже блоки такелажные с кораблей турецких.

Балаклавские греки привозили в Севастополь полные байдары кефали, осетров, белуг и севрюжин. В следующем году обещали виноград давать – вино будет. На просторе еще не освоенной природы, в людском оживлении и гомоне матросов Петя с Павлушей росли быстро, а Прохор Акимович лечил душу в трудах и заботах. Из мазанки он зимою перебрался в добротный дом, выложил себе камин и по вечерам читал книги, которые брал у корабельных офицеров. Камертаб иногда навещала его… Это были моменты ужаса!

…

Потемкин оставался в Херсоне до первых холодов, которых не выносит чума – гостья из теплых стран. В команде Федора Ушакова чума сдохла раньше, чем в других экипажах, на четыре месяца; она отступила, обессиленная в борьбе с карантинами и чистоплотностью. Самойлович не был уверен, что чума не явится внове – по весне. Потемкин указал сжечь все заразные строения, выявить всех покойников на окраинах. Потом велел:

– В гости можно ходить, балы с музыкой нужны. Чего же тут в страхе киснуть? Русский человек над смертью смеется…

Он отъехал в Санкт-Петербург, дороги занесло снегом, карету переставили на полозья. Гарриса в столице уже не было, его заменил Аллен Фицгерберт, который, напуганный жалким опытом Гарриса, светлейшего явно сторонился. Одновременно Версаль отправил в Константинополь послом графа Шуазеля-Гуфье, которого следовало опасаться… «Справится ли там Яша Булгаков?» Шуазель-Гуфье привез из Франции инженеров, которые помогали туркам укреплять Анапу, ставшую теперь пограничной крепостью.

3. Дела рук человеческих

Русские положили конец древней работорговле в Кафе, зато Анапа еще оставалась главным рынком Кавказа по сбыту «живого товара» для Азии и Африки. Турецкие поэты, подыгрывая себе на лютнях, искусно воспевали

красоту черкешенок, стройность грузинок. Доходы от этого позорного торга раньше поступали в казну Бахчисарая, а теперь, когда ханство погибло, Ферах-Али-паша анапский делил пиастры с князьями кабардинскими, узденями черкесскими. На празднике по случаю окончания крепостных работ Ферах-Али-паша повесил на воротах Анапы восемь черкесов, укравших лопаты. Лопаты стоили очень дорого (в горах за пять пуль давали хорошую бурку, овца шла за горсть пороха). Внутри крепости возник оживленный город с кофейнями и банями. Собрав жителей, Ферах-Али-паша сказал, что сейчас он выстрелит из пушки:

– Смотрите, правоверные, куда упадет ядро! До места его падения Аллаху угодно позволить вам собирать зерна и рвать фрукты с деревьев.

Трогать это осиное гнездо было еще рано[1 - Анапа стала русским городом лишь в 1828 г.; позже, когда она потеряла всякое военное значение, жители Анапы устроили на валах крепости тенистые бульвары для прогулок.]. Потемкин так и писал Суворову – за Кубань не ходить. Кавказские же беки и султаны жаловались светлейшему, что «черный народ, их данники», бежит по ночам за линию, русские селят их на своих землях, отчего они, благородные беки и султаны, совсем оскудели. Потемкин отвечал тунеядцам, что на Руси тоже бегут от помещиков, которые житья не дают народу, а выход один – не угнетать людей, тогда они и бегать не станут.

Молва о жирной земле уже дошла до деревень русских, и всех беглых Потемкин велел не трогать: пусть пашут! Суворов не мешал и ногаям откочевывать на новые земли, отведенные им в степях Заволжских. Громадная орда стронулась с места, но… вдруг повернула обратно. Турецкие агенты, слившись с толпою, суля деньги и блаженство райское, уговорили ногайских старшин к возмущению. Русские караулы были вырезаны, город Ейск заперт в осаде, ослепленные яростью ногаи лезли с саблями на палисад. Потом орда с кибитками и стадами кинулась обратно за Кубань – под защиту горских князей, верных султану турецкому… Суворов это известие воспринял очень нервно.

– Раз и навсегда проучить надо! – сказал он. – Бейте поход.

По линии лазутчики распространили слух, будто Суворов уехал – повидать жену. А он уже вел войска. Скрытно. Только ночами. В осторожной тишине. На другом берегу Кубани открылась панорама кочевья, сплошь осветленная тысячами ногайских костров.

– Пехоте раздеться, пушки по дну волочить станем…

Ногаев захватили врасплох. В ярости они побросали в реку добро и драгоценности. Тут же резали кинжалами жен, младенцам своим разбивали черепа. Только стремительность русской атаки спасла ногаев от самоистребления.

Кое-где еще дрались шашками, но исход боя был решен.

Закубанцы, пришедшие помочь ногаям, вместо помощи стали убивать и грабить бегущих ногаев, полоняя их в рабство… Среди пленных Суворов заметил почтенного старца, спросил, как его зовут.

– Муса-бей, – отвечал тот.

– Сколько тебе лет, Мусабеевич?

– Не помню. Но я был женат, когда был еще холост ваш царь Петр грозный, с ним я тоже не ладил.

– Водки хочешь, отец?

– Перед смертью можно и водки выпить.

– Эй, уважьте старца и перевяжите ему раны…

«Одни сутки, – докладывал Суворов Потемкину, – решили все дело». Донской казак или русский пахарь могли теперь выйти в поле спокойно, не боясь, что его жену и детей схватят и увезут на рынки Анапы, не нужны стали ночные караулы в станицах… Суворов рапортовал Потемкину: «Долговременное мое бытие в нижних чинах приобрело мне грубость в поступках при чистейшем сердце и удалило от познания светских наружностей…» Он просил не забывать его – дать дело! Но дела не было, и Потемкин вручил ему Владимирскую дивизию. Поселясь в деревне Ундолы, Суворов катался с парнями на коньках, играл с детишками в бабки, подпевал дьячку на церковном клиросе… Может, и живы еще березы и липы, там им посаженные?

…

В январе 1784 года Потемкин, будучи в Петербурге, заключил контракт с французским садоводом Иосифом Бланком на озеленение Крыма. Француз, склонясь перед светлейшим, выслушал от него требования:

– Сажать виноград, для нежных фруктов строить галереи крытые, разводить деревья миндальные, шелковичные, персиковые и ореховые, завести фабрику для выделки коньяков, ликеров и воды лавандовой. Получишь квартиру, дрова, свечи, пару лошадей, работников. А званием будешь – директор садов и виноградников. Не сладишь – я тебя выкину…

В доме Шувалова состоялся публичный экзамен Свешникова в знании им древнееврейского языка. Ученый раввин, чтобы его не заподозрили в подвохе, пригласил с собою Моисея Гумилевского – большого знатока древних языков. Иван Евстратьевич свободно беседовал на древнееврейском, даже раввин удивился.

– Прямо чудеса какие-то! – восторгались люди…

Потемкин панагией с бриллиантами соблазнил Моисея быть епископом Феодосии и Мариуполя, потом уговаривал Свешникова не отказываться от службы при его светлейшей персоне. Он звал парня к новому поприщу – в свою Новую Россию, где скоро вырастут сказочные города с фонтанами и аркадами, где крестьянские отроки будут живописать, как Рафаэли, и сочинять канты не хуже Гайдна, где никогда не будет нищих и обездоленных. Отчаянный фантазер, Григорий Александрович всегда верил в то, что ему виделось или что видеть хотелось. (О таких людях в XVIII веке говорили, что у них «в крови скачет множество блох».)

Свешников посоветовался с Шуваловым: как быть?

– А знаешь, – сказал тот, поразмыслив, – езжай, братец. Близ светлейшего много разного народу отогревается. Состоя при нем, можно на большую государственную стезю выйти.

– Боязно, – вздыхал Свешников.

– Тогда садись на барку и возвращайся в Торжок…

Потемкин дал Свешникову денег на дорогу, экипаж и слугу выделил, велел ехать в Херсон и ждать его там.

– Ваша светлость, в ноги падать не стану. Но ведь не сказал я вам самого главного. Не обессудьте.

– Так что у тебя еще, братец?

– Я ведь крепостной.

– Чей?

– Господ Панафидиных, что на флоте служат.

Потемкин подтолкнул его в дверцу кареты:

– Поживешь со мной, и через год ты этих господ Панафидиных в бараний рог скрутишь… Считай себя вольным!

Отправив Свешникова, он снарядил целую экспедицию в венгерский Токай, чтобы закупить там лозу для посадок в будущем раю Тавриды, а сам по весне тронулся в Белую Церковь, где владычила его племянница графиня Браницкая… Из чистых березовых бревен, не отесанных топорами, Киевская Русь сложила тут, еще на заре христианства, малую церквушку, – отсюда и возникла Белая Церковь – сначала город, теперь местечко, в котором «староствовал» граф Ксаверий Браницкий. Гордый лях смирился с тем, что Потемкин предается неге в обществе его жены. Тоненьким голосочком она напевала ему по вечерам:

Глаза мои плененны

Всегда к тебе хотят,

А мысли обольщенны

К тебе всегда летят…

Курьерская почта не миновала Белой Церкви, депеши Булгакова, прежде чем попасть в Петербург, прочитывались светлейшим. Потемкин был извещен, что великая империя османов переживает трудные времена. Русские победы обнадежили угнетенных славян и греков, армян и грузин, а бедняки турки роптали. Девяносто семь различных налогов (из них три налога только за дозволение дышать воздухом) накачивали доходами дряхлеющий организм османского государства. Финансовый надзор был крепок: если сосед бежал от налогов, плати за соседа, если вся деревня бежала, за нее расплачивается деревня соседняя. И все-таки казна Турции была пуста, а для войны с Россией требовалось золото… Султан Абдул-Гамид I велел подданным сдать в казну все драгоценности, кроме оружия и личных печатей. Подавая пример населению, падишах отправил на переплавку в золотые монеты подсвечники из своего кабинета. Однако указ султана о сдаче драгоценных металлов послужил его подданным лишь сигналом к быстрому их сокрытию, и эти подсвечники халифа, одиноко стоявшие на Монетном дворе, служили немым укором османскому «патриотизму»…

Потемкина навестил граф Румянцев-Задунайский; был он не в меру мрачен, деловито-черств… Сразу же спросил:

– Сколько лет нужно, чтобы флот создать?

– Лет пять, не меньше. Пока у нас эскадра.

– А разве турки ждать станут?

– Все зависит ныне от красноречия Булгакова…

4. Красноречие

Булгаков проснулся с нехорошим ощущением. Он вспомнил, что сказал ему на днях великий визирь: «Не трогайте нашего быка, лежащего на вашем пути, и не толкайте его, чтобы он уступил вам дорогу». Вторая неприятность была

сердечная. Ах, как снова плакала вчера Екатерина Любимовна! Дипломат к сожительнице относился чудесно, заботливо; она родила ему двух мальчиков. Но женщина – и за это нельзя винить ее! – хотела стать госпожой Булгаковой, а не оставаться мадемуазель Имберг.

– Пойми, душа моя, – убеждал ее Булгаков, – я ведь не частное лицо, я посол при дворе султана, и если завтра станет известно, что ты, еще вчера моя любовница, сделалась госпожой посланницей, мы оба окажемся париями в политической жизни Константинополя. Тот же французский посол Шуазель-Гуфье выразит мне свое презрение, и моя карьера дипломата закончится…

Яков Иванович вступал в новый год действительным статским советником, кавалером ордена Владимира второй степени – за то, что заставил Турцию признать право России на крымские владения.

Выпив чашку шоколада, Булгаков работал в кабинете, готовя депеши. Екатерине он писал, что крепость Анапа усиливается; Поти, Сухуми и Суджук-Кале тоже; в Стамбуле снова бунтует чернь. Сераль через глашатаев убеждает крикунов, что уступки, сделанные России, временны, как случаен и мир с нею, придет час – и все, отданное проклятым гяурам, вернется под власть султанского халифата.

За обеденным столом он сказал Екатерине Любимовне:

– Я думаю, нам не стоило вчера ссориться. Сама политика ведет нас к наложению уз брачных. Случись война – мы вернемся в Россию, где обвенчаемся в первой же церкви.

– Так неужели в войне я найду свое счастье?

– Свое – да, но не мое. Я уполномочен от имени России сделать все, чтобы войны не было, и я это делаю…

Отодвигая сроки войны, Булгаков удалял от себя полноту супружеского блаженства, право узаконить детей, прижитых до брака. Теперь ему предстояло знакомство с новым французским послом. Шуазель-Гуфье – человек приземистый, лицо красное, брови громадные, носик крохотный, манеры обыденные… Он сказал:

– Я охотно принял назначение в эти изгаженные руины былой Византии, чтобы продолжить научные изыскания в археологии. Меня тревожат места, воспетые Гомером.

Он преподнес Булгакову первый том своих изысканий, вышедших в Париже с отличными гравюрами. Но Екатерина уже знала эту книгу, заранее предупредив Булгакова: «Прошу прочесть предисловие, направленное против нас, где с отъявленной враждебностью описана война наша с турками». Так что не ради археологии прибыл сюда граф Шуазель-Гуфье, и, не обладая достаточной дипломатической выдержкой, он сразу же выказал недоверие к русской политике на Востоке:

– Я сочту за долг совести охранять Босфор от русских, а правоту моей миссии докажет само время.

Булгаков посоветовал послу не взирать на Россию через модный лорнет, купленный недавно в лавках Пале-Рояля:

– Моя страна живет не ради захватов, а тужится оберечь свое добро от хищников, защитить от насилия народы слабейшие. И не время приводит к опытности, а события. Одно течение времени для человечества всегда безразлично.

– Но ваша императрица…

– Подождем судить ее, – вежливо заметил Булгаков. – Египетских фараонов критиковали только после их смерти. Но при жизни они оставались непогрешимыми. Пробьет в истории роковой час, и Екатерина Великая получит на том свете свою бочку кипящей смолы. Чтобы более не касаться престолов, я вам замечу: Франция беднее России во много раз, но бюджет короля в Версале в восемь раз превосходит расходы двора великороссийского. И будет лучше, граф, если мы обратимся к вопросам коммерческим, допустим, к торговле Марселя с Херсоном, и тут мы найдем общую точку для развития благожелательности…

Но посол Версаля исподтишка уже настраивал Турцию на войну с Россией, и чем скорее, тем лучше. При очередной встрече на придворном селямлике Булгаков сказал, что французы со времен Ришелье уже достаточно пролили христианской крови, выступая на стороне султанов турецких:

– А вы не боитесь, граф, что скорое и неотвратимое расстройство дел Франции заставит вас искать прибежища в России, которую вы, версальские аристократы, столь хорошо ругаете? Уже нет дома в России, где бы не нашли мы француза – гувернером, кондитером, кауфером или просто нахлебником.

Булгаков напророчил верно: графу Шуазелю-Гуфье суждено было занять пост президента русской Академии художеств, но это случится гораздо позже, а сейчас он возмущенно ответил Булгакову:

– Не судите о нас, аристократах Версаля, по той несчастной француженке, которая живет у вас на положении содержанки…

– Вы преступили меру, сударь, – сказал Булгаков с легким поклоном. – Не возникает ли у вас благородное желание завтра утром прислать ко мне своих секундантов?

В ранний час, отъехав подальше от города, дипломаты скрестили шпаги. Клинок в руке Шуазеля-Гуфье обломался, концом лезвия он распорол мышцы на руке Булгакова.

– Политика разъединила нас, но, поверьте, во мне вы всегда сыщете искреннего друга, – сказал посол Франции.

…

Австрийским посольством в Петербурге заправляла сестра посла, вульгарная, очень живая графиня Румбек, которая, как никто из иностранцев, чисто выговаривала матерные ругательства, чем и потешала светское общество. Сам же посол, граф Людвиг Кобенцль, был по натуре беззаботный комедиант. Он брал уроки пения у итальянцев, сочинял сердечные драмы, которые Екатерина ставила на придворной сцене Эрмитажа, выступал в комических ролях старых герцогинь и вертопрахов, каждый раз вызывая бурные аплодисменты избранной публики…

Усталый курьер, выехавший из Вены в понедельник, достиг невской столицы в субботу. Отыскав Миллионную улицу, застроенную особняками знати, он поднялся на второй этаж посольства, волоча по ступенькам лестницы тяжелую сумку с секретными замками. Его встретил безобразный еврей-маклер, один глаз которого был заклеен пластырем.

– Давайте почту сюда, – сказал он с ужасным акцентом, – и ступайте на кухню, где вас отлично накормят.

– Я, кажется, ошибся адресом. Мне нужен посол.

– Я и есть посол его величества…

– Оставьте шутки! – сказал курьер, отступая с сумкою по лестнице вниз. – Я отвечаю за почту своей головой.

– Постойте, кого вы еще знаете в Петербурге?

– Тосканского посланника – барона Зедделера.

Пришлось разбудить Зедделера, который и подтвердил:

– Отдайте почту: ваш посол репетирует роль еврея…

Графиня Румбек через плечо брата вчитывалась в полученные бумаги. Иосиф II информировал Кобенцля, что альянс с Россией наложил на него тяжкое бремя, и он предпочел бы видеть на Босфоре чалмы янычарские, а не папахи русских казаков. Австрия, союзная России, будет и далее укреплять связи с Францией, враждебной России, и Кобенцль в Петербурге должен приложить все старания, чтобы русский Кабинет не догадывался о «двойной игре» венского правительства. В любом случае, писал Иосиф, доля австрийской добычи на Балканах в предстоящем разделе Турции должна превышать долю русских на Дунае.

– Не проболтайся об том, – сказал Кобенцль сестре.

– А ты не вставь это письмо в свою комедию…

Безбородко вошел к императрице с докладом:

– Курьер из Вены проехал Киев, не задерживаясь для ночлега, и потому вскрыть его сумку не удалось. Сейчас он будет долго отсыпаться после тяжелой дороги.

– В каком отеле он остановился? – спросила Екатерина.

– К сожалению, курьер остался в посольстве. Думаю, что все нужное мы узнаем из перлюстрации ответных депеш Кобенцля.

– Но я, – сказала Екатерина, – все равно заставлю этого грязного скарамуша писать Иосифу то, что нам выгодно…

Назревал торговый трактат с Австрией, а любой торговый договор – хорошо замаскированный акт политический. Бурный весенний ливень опрокинулся на улицы и сады Петербурга, когда Кобенцль в карете подкатил к подъезду Зимнего дворца.

– И вы… сухой? – встретила его Екатерина.

– Да, ваше величество, хотя и добирался пешком.

– Как же вас не замочил этот проливной дождь?

– О, это целая наука! – отвечал Кобенцль, враль вдохновенный. – У меня в Вене был знакомый патер-иезуит, научивший очень ловко пробираться между падающими каплями…

Екатерина пригласила посла к столу.

– Мне так опротивела эта политика, что я рада поболтать о ваших замечательных пьесах… Кстати, кто сейчас любовником у вашей сестры? А удалось ли ей узнать новые слова из русского лексикона? Этот гадкий Безбородко измучил меня вопросами: каковы ваши торговые альянсы с иными нациями, каковы в них тарифы и… Вы что-то хотите спросить, посол?

– Мой император заинтересован в плавании по Дунаю до его устья, чтобы затем плавать и по Черному морю.

– Я не откажу ему в этой любезности… Между нами: адмирал Грейг уже составил проект штурма крепостей в Дарданеллах со стороны моря. Потемкин в восторге от его планов![2 - Г.А. Потемкин, ознакомясь с проектом С.К. Грейга, как раз и выступил против него, утверждая, что задача флота в Архипелаге – лишь отвлечь турецкий флот от Черного моря, чтобы флот Черноморский обрел в нем свободу боевых действий. Таким образом, Екатерина сознательно вводила Кобенцля в заблуждение.] Передайте его величеству, что я начинаю скучать без принца де Линя.

– Вена желает знать, где сейчас Шагин-Гирей.

– Он получил от меня чин генерал-поручика и готовит с нашей помощью экспедицию для захвата власти в Исфагане.

– Вы желали бы стать и владычицей Персии?

– Нет. Россия будет хозяйкой в море Каспийском…

Через несколько дней из перлюстрации писем Кобенцля она убедилась, что ложная информация для Иосифа изложена убедительно. Хотя веселее от этого ей не стало.

– Австрия союзница никудышная, – сказала она Безбородко. – Я вот думаю: не взять ли мне эту похабницу графиню Румбек да не вышвырнуть ли ее из Петербурга?

– Зачем? – удивился Безбородко.

– А просто так. Хотя бы ради скандала…

За ужином в Эрмитаже, когда меняли куверты, пожилой камер-лакей резко удалился. Екатерина вернула его:

– Голубчик, с чего ты на меня обозлился?

Лакей тоже был вовлечен в политическую игру:

– Не на вас, ваше величество. Но спасу нет слушать, как эта старая ведьма ругается! – И он показал на графиню Румбек.

– Идите, – спокойно ответила Екатерина.

Лакей ушел. «Старая ведьма» осталась сидеть.

– Я сказала – идите, – громко повторила Екатерина.

– Это вы мне? – вспыхнула Румбек.

– Вам. Завтра вас не должно быть в моей столице…

Утром Безбородко, еще заспанный, спросил царицу:

– Но что вам даст удаление сестры посла?

– Графиня Румбек вгрызлась в дела посольские, словно червь в яблоко. Кобенцль, поглощенный актерством, привык получать от нее советы. Сейчас, лишившись поддержки, он станет метаться, как поросенок в мешке, умоляя меня вернуть сестру. Я это ему позволю. Но за это потребую от Румбек кое-каких услуг, о значении которых сам Кобенцль не догадается…

Румбек скоро вернулась в Петербург, снова оглашая салоны каскадами тех выразительных слов, которые обычно произносят извозчики, заметив, что шлея попала под хвост лошади. Но теперь она стала – тайным агентом русского Кабинета при делах посольства своего же брата. Сколько ей платила за это Екатерина – неизвестно. Но Румбек жила в России долго и зажиточно…

…

Шведский король Густав III большие деньги, получаемые от Версаля, тратил на вооружение страны, а малые деньги, получаемые из кошелька русской императрицы, он прогулял в путешествии по Европе. Неаполь тоже входил в программу его странствий, и здесь он повстречал графа Андрея Разумовского… Король и посол воспылали друг к другу нежною дружбой. Густав III сделал официальный запрос в Петербург: он хотел бы видеть Разумовского послом в Стокгольме.

– Граф Андрей не любит России, – напомнил Екатерине Безбородко.

– Я это давно знаю. Россия для графа вроде кормушки: нажрался из нее – и можно рылом опрокинуть. Но в политике, – сказала Екатерина, – годятся и такие люди…

Безбородко, сияя бриллиантами, потоптался перед императрицей на толстенных ногах со спущенными чулками:

– Прикажете готовить верительные грамоты для Стокгольма?

– Не суетись. Сядь. Давай все карты в колоде перемешаем. Выписывай кредитивы о назначении Разумовского в… Данию.

– Вот те на! – удивился Безбородко.

– Именно так. Очевидно, главная роль Разумовского у подола королевы Каролины закончилась, а роль жалкого статиста при дворе Неаполя и нам не нужна. Сейчас Разумовский в дружбе с королем шведским. В Стокгольме он будет вреден… для нас, для России. Но Швеция давно зарится на Норвегию, принадлежащую короне королей датских. Посылая Разумовского сначала в Данию, мы пропитаем его там духом обратным, для нас выгодным. А вот когда он станет противником шведской политики, тогда мы его, словно редиску, пересадим на грядки стокгольмские… Что еще на сегодня, Александр Андреич?

– Неприятности с фюрстенбундом…

Фюрстенбунд, основанный королем Пруссии, усиливался с помощью Англии, образуя сцепление германских княжеств, враждебных России. Безбородко

сказал, что цесаревич Павел взял на себя роль агента Пруссии, ведя переписку с Фридрихом, выдавая Потсдаму государственные тайны.

– Мало того! Перехвачено его письмо к нашему послу в Берлине, графу Николаю Румянцеву, сыну фельдмаршала. Наследник уговаривает посла поддерживать притязания Пруссии на Данциг, за что сулит ему в будущем пост главы дел иностранных.

– В будущем… это когда нас не станет. Ясно, как день божий, что сын мой – враг мой! – четко произнесла Екатерина…

Разумовский, следуя в Данию, задержался в Вене, где его встретила постаревшая любовница графиня Тун, и он сделал предложение ее очаровательной дочери. Экипаж дипломата долго трясло на дурных дорогах Силезии… Освоясь на новом месте в Копенгагене, Андрей Кириллович известил русский Кабинет, что Густав III – по сведениям датчан – ведет активный шпионаж на границах Финляндии, его флот и армия готовятся к войне, а союзниками Швеции будут Турция и Франция…

– Похоже на правду, – сказал Безбородко.

– Тем хуже для нас, – отвечала Екатерина.

Враждебное кольцо вокруг России сжималось.

5. Деятельность

Самый удобный способ деятельности – потемкинский: притвориться лентяем и лежебокой, а пока о тебе думают, что ты проводишь время в праздности, незаметно для всех утруждаться… Одни лишь крайности в этом человеке! Потемкин зимою в нетерпении выбивал рамы оконные, чтобы наслаждаться морозом, а в летнюю жарынь зябко кутался в шубы. Страшный лодырь, он всегда пребывал в хаотичном беспокойстве, принимая самые ответственные решения в моменты «ничегонеделания». Надменный с высшими, вельмож презирающий, он выслушивал солдата, сняв перед ним шляпу. Капризный, хуже балованного

ребенка, всего хотел, но, получив желанное, брезгливо отворачивался. Скучал среди веселья и становился радостно-оживленным в невзгодах. С ним было очень трудно, но в его присутствии все ощущали легкость. Простой народ привык видеть Потемкина в сверкающем мундире, а перед вельможами он являлся в затасканном халате, босой и сгорбленный, как старик, съежившись в приступе меланхолии. Набожный, как монах, Потемкин правой рукой крестился, а левая его рука делала знаки женщине, чтобы шла к нему в спальню и поскорее раздевалась. Но он тут же забывал о ней, увлеченный игрою света кулибинских фонарей, и в ответ на женские попреки говорил, чтобы она одевалась…

Любимое словечко светлейшего – «наплевать».

– Наплевать мне на всех королей, – говорил он так, будто все короли и герцоги были ему партнерами по картам…

С некоторых пор явилась и тень его, всюду Потемкина сопровождающая. Василий Степанович Попов – отпрыск захудалого сельского попика, от сохи и лаптей пробивший себе дорогу к славе и почестям. Потемкин сделал его главной пружиной в своих делах. Под стать хозяину, секретарь тоже путал день с ночью. Но в любой миг он был способен точно ответить – каков калибр пушек в гарнизоне Кинбурна, сколько скошено сена для полка Бугского, как зовут любовниц английского короля и чем занят сейчас Моцарт. Имея чин полковника (и уже кавалер), Попов управлял канцелярией светлейшего. Потемкин называл сумму, ему нужную, и Попов доставал деньги, не называя источника. Сколько при этом прилипало к его рукам, можно было только догадываться. А если кто осмеливался требовать долги с Потемкина, тот вызывал Попова и жестоко бранил его:

– Что же ты, разбойник, за долгами моими не уследил? – При этом открытая ладонь светлейшего означала: дай, а сведенная в кулак означала: ни копейки не получишь.

Жениться Попову светлейший не разрешал.

– Пренебреги! – говорил он. – Зачем тебе это нужно?

Но очень был озабочен, что в его Новой России быстро возникали семьи, чтобы рождались и росли детишки. Потемкин уплачивал из казны по пять рублей за

каждую невесту, женщин искали по всей стране его агенты – капитан Крыжановский и «еврей Шмуль Ильевич» (так он значится в документах княжеских). С женами солдат было проще: их забирали из деревень, навек отрывали от барщины, везли в Новую Россию и сдавали на руки мужьям: живите! Овдовевших баб тут же расхватывали холостые солдаты. Дело это житейское…

Таврида еще никого не радовала. Голая земля в репьях и полыни, полумертвые города, погубленные без ухода сады, всюду бездорожье и… татарские беи, развращенные бесплатным трудом рабов-христиан. Попав в русское подданство, бездельники надеялись, что теперь за них будут трудиться русские, а им по-прежнему сидеть в кофейне и курить трубку. Иные же беззаботно продавали свои земли, втайне надеясь, что скоро вернется власть ханов и русские разбегутся.

Потемкин печалился. Куда же делся прежний рай, когда здесь процветали колонии генуэзцев? С какого зеленого мыса легендарная Ифигения всматривалась в море?.. Громадные дубы, поверженные топорами, валялись посреди дорог. Леса беспощадно вырубались. Ради одного бревна валили десять деревьев, и из десятка отбирали одно – лучшее. Если требовалось кормить овец, их выпускали в заброшенный сад, где они быстро уничтожали растительность. Ученый садовод Габлиц говорил:

– Вряд ли даже в Италии сыщем такое блаженное место, каковым является Таврида. Но все здесь загублено: орешники стали сорняками, абрикосы сделались горькими, а виноградная лоза оплетает татарские заборы… Для того чтобы возродить эту страну, не хватает маленького пустячка – целого столетия жизни для нас да еще трудов неустанных следующих за нами поколений…

Архитектор Старов планировал новые города в степях: прямые проспекты сходились к триумфальным площадям, к рекам сбегали тенистые бульвары. Потемкин, пачкая руки, цветными мелками отмечал на таврических картах дороги, которые следовало проложить, деревни, которые еще надобно основать и заселить.

– Как мыслишь, Иван Егорыч, строить нам большие госпитали или лучше много больниц, но маленьких?

– В моем представлении, ваша светлость, – отвечал Старов, – большой госпиталь образует и большое кладбище. Из этого заключения сами и решайте – что вам выгоднее?

Екатерина запрашивала: правда ли, «будто язва в Херсоне по-прежнему свирепствует и будто пожрала большую часть адмиралтейских работников»? Чумное поветрие и впрямь снова навестило юные города, но вспышка эпидемии уже не была такой сильной, как в годе прошлом. Херсон хорошел: появились каменные казармы и магазины, арсенал возвышался над городом, готовились к спуску фрегаты. В поисках прохлады Потемкин выехал в степи близ Перекопа, там раскинулись шатры его ставки, отсюда во все стороны края скакали курьеры с его приказами, выговорами и планами. Светлейший надеялся оживить южные берега Тавриды парками с кипарисами и жасмином, в Мисхоре указал культивировать маслины и гранаты.

– Сам поеду смотреть, – сказал он Попову.

Хотелось верить, что Ной (самый древний винодел на земле) проживал тоже в Тавриде, осыпанной крупным и чистым виноградом; не отсюда ли, из генуэзских гаваней, и растекался по греческим амфорам веселящий ток благоуханных вин радости?.. В дорогу светлейший взял с собою Габлица; заехали в Алупку, навестили Судак, где Иосиф Бланк обязался контрактом основать лаборатории по производству вин и ароматов всяких. Вместо лабораторий увидели сарай (на который истрачено две тысячи рублей) и пьяного «директора виноделия», – Бланк, не успев создать новых вин, спился на старых. А где же посадки кедров, где благородные оливки да лавры? Потемкин разбушевался:

– Где апельсины, рыло твое немытое? – Он схватил Бланка за воротник и треснул об стенку сарая с таким успехом, что внутри «директора» что-то пискнуло, будто мышь раздавили. – Вон его! Вор… сволочь! – Успокоясь, светлейший обернулся к Габлицу: – Карл Иваныч, берись сам – ты ученый, а чтобы к тебе не придирались, делаю тебя здешним вице-губернатором… Из ада крымского возроди здесь рай таврический…

В шатрах у Перекопа его ожидал Шагин-Гирей, покорный и виноватый. Потемкин вельможно расселся перед ним:

– Ну, хан! Набегался по горам Кавказа?

– Вы, русские, обещали мне поход на Персию, чтобы раздобыть для моей светлости престол шахов персидских.

– Престол в Исфагани уже занят… кысмет!

– Так куда же мне деваться теперь?

– Если хочешь, езжай в Калугу или Воронеж.

– А если вернусь в Бахчисарай?

– Тамошний дворец закрыт мною ради ремонта.

– Какого ремонта? – удивился хан.

– Капитального, – ответил ему Потемкин…

Он отправил императрице бочонок черноморских мидий, банку варенья из крымских яблочек, мешок с орехами, каперсы для стола и анкерок балаклавской икры – в дар от Ламбро Каччиони. Екатерина, очень любившая писать, на этот раз ничего не ответила. «Странно!»

Светлейшего разбудил Попов.

– Шмуль невест привез, – доложил. – Встанете?

– Встану. А женихи собраны ли? Вино кати, закуску ставь…

На телегах сидели молодухи и перестарки, соблазненные счастьем на чужой стороне. Пестрядинные сарафаны, лапоточки да поневы крестьянские – вот и вся одежда девчат, лишь на некоторых красовались бусы. Потемкин нарвал тюльпанов степных, быстро сплел венок, которым и украсил голову первой же молодухи.

– А что? – сказал. – Так лучше… такую-то девку и я бы в жены взял. Да вот, боюсь, не пойдешь ты за меня, одноглазого.

Светлейший оперся на трость, оглядел ряды женские и мужские.

– Ладно, – решил. – Смотрины и сговор сразу. Чтобы к утру все были в парном согласии. Попы повенчают всех завтра же… А теперь – гуляйте!

– Скотина-то иде? – спросила его одна баба.

– Сначала мужа сыщи, потом о скотине заботься. – Потемкин высмотрел в толпе осанистого мужика. – Эвон, – сказал ему, – баба с младенцем плачет… Возьмешь ли ее с дитем?

– Ежели бы двор да скотину каку, чего не взять.

– Дам скотину. Двор сам сделаешь. Бери с дитем…

Под утро Василий Степанович Попов принес депешу от Безбородко, который в самых отчаянных выражениях просил Потемкина скорее вернуться в Петербург – государыня тяжко больна: «Вернейшее к истреблению ея печали и всякого душевного беспокойства нам известное есть средство – скорейший приезд вашей светлости…»

– Лошадей! – повелел Потемкин. Заехав в Херсон, он справился о Свешникове. – Хочу видеть его. Каково он устроился?

– А мы такого не знаем, – отвечали ему. – Приезжали тут всякие. Которые помирали, мы тех хоронили…

…

ОТ АВТОРА. В жизни этого народного самородка многое остается неясным. Писатели ошибаются, относя его появление в Петербурге к 1784 году: в письмах гувернера Пикара точно указан 1781 год. Загадочным остается и его пребывание в Англии. Наверное, затерялся в музейных запасниках и портрет крестьянского сына, находившийся в картинной галерее Шувалова – среди многих портретов знаменитых его современников. Безусловно, Иван Евстратьевич Свешников был

человеком выдающихся способностей, и такие люди не часто рождаются на свете. При иных условиях из него мог бы получиться второй Ломоносов, но судьба распорядилась его жизнью слишком жестоко. Никаких бумаг после него не осталось – их, наверное, сожгли, как это и делали в Херсоне с имуществом всех умерших в эпидемии. Теперь историки пытаются расшифровать имя «Л-д-г-вский», принадлежавшее человеку, который владел материалами о Свешникове; он встречался с ним в доме Шувалова на Невском, а сам жил постоянно в Смоленске. Раскрыв фамилию «Л-д-г-вского», надеются отыскать его архивы.
Я выяснил, кто это: Лев Федорович Людоговский, директор смоленских училищ, земляк Потемкина. В доме Шувалова тогда же бывал Иван Федорович Тимковский, бывший директором гимназии в Нежине, который в своих мемуарах помянул и Людоговского… Таким образом, с берегов Невы следы поисков уводят нас в Смоленск и Нежин. Не стоит забывать и епископа Моисея, оставившего после себя обширное литературное наследство.

6. Шпанские мушки

Средь многих коллегий, зарожденных на Руси от Петра I, Медицинская была самою молодой – ее завела Екатерина II, – но дело здравоохранения вперед не продвинулось. В 1783 году открылся первый в России медико-хирургический институт – Калинкинский, на окраине столицы (в деревне Калинкиной), но русский человек в студенты попасть не мог, ибо там по-русски никто не говорил, – научная медицина была прочно оккупирована немцами. В год открытия Калинкинского института Европа снова наполнилась слухами: у Екатерины рак! Спекуляторы сочиняли брошюры о методах лечения рака, посылая их с льстивыми посвящениями Екатерине, за что volens-nolens она и поплачивала авторам денежки. Знаменитый хирург Лофит советовал императрице спасаться Барежскими ваннами в Южных Пиренеях. Екатерина давно платила берлинскому доктору Циммерману, чтобы он своим авторитетом пресекал в Европе вздорные слухи о ее немощах. Все это были сплетни, а истина заключалась в другом. Екатерина действительно подверглась двум сложным операциям, дабы избавиться от любовной ненасытности. К лету 1784 года у нее возник какой-то (во многом непонятный) конфликт с лейб-медиком Роджерсоном. По совету Шуваловых она вызвала в Россию известного врача, горбатого Мельхиора Вейкардта, которому и сказала:

– Будем откровенны. Я с детства читала Мольера и потому не могу относиться к медицине с доверием. Вы можете высыпать передо мною на пол целый мешок своих познаний – я позову лакеев с метлами, чтобы они подмели тут… Сейчас я увлечена изучением фокусов сибирских шаманов и, поверьте, отыскала очень много общего между врачами и шаманами!

Вступление не сулило ничего доброго, но Вейкардт, типичный искатель наживы, охотно тронулся за двором в Царское Село, где к его услугам накрывали отдельный стол с изобилием вин, пива, ликеров; к столу полагались запасы восковых свечей, чаю и кофе «мокко». Ничем не оправданное русское транжирство всегда сбивало иностранцев с толку, и бедный Вейкардт вообразил себя важной персоной. Его насторожило только одно обстоятельство, которое от него скрывали. Фаворит Ланской иногда принимал у себя врача Соболевского, они «часто ходили за ширмы и совершали там что-то таинственное. Я, – вспоминал Вейкардт, – подсмотрел, как один из них спрятал в угол горшочек. Улучив время, я заглянул в горшочек и нашел в нем какую-то белую мазь». Если бы тогда Вейкардт попробовал эту мазь на язык, он бы сразу понял, что это такое… Камердинер фаворита по фамилии Бжезинский спрятал горшочек под кроватью.

…

Екатерина воспринимала любовную прыть Ланского за естественную страсть, не догадываясь, что фаворит постоянно возбужден наркотиками. Со временем кантариды (сиречь шпанские мушки) уже не оказывали прежнего действия, и штаб-доктор гвардии Соболевский увеличивал дозы… Ланской стал жаловаться на боли в горле и, сам зная о причинах своего недуга, говорил:

– Чувствую, жить осталось совсем недолго…

Роджерсон от лечения был отстранен. Ланской покрывал свое тело мазью, не трогая только шею. Крепкую смесь араки с токаем и соком ананаса он заедал лимонами. Екатерина часто входила в спальню фаворита, подолгу сидела у его постели.

– У моего Саши железная натура, – хвасталась она.

Но Вейкардт уже догадывался, чем это «железо» поддерживается. Вызванный на помощь доктор Кельхен хотел поставить на шею фаворита пиявки, но в ближайших озерах пиявок не сыскали. Ланской призывал к себе Соболевского, и тот, явно перепуганный, заставлял больного пить сырую воду в невероятных количествах, кормил его отварными винными ягодами. Лицо Ланского раздулось, как и шея, а кончик носа подозрительно побелел. Екатерина впервые испытала тревогу, обратясь к Вейкардту:

– Что случилось с моим Геркулесом?

– Боюсь, что надежд мало, – отвечал Вейкардт.

– А его молодость? А крепкое сложение?

– Я, – ответил Вейкардт, – приехал в Россию, чтобы упрочить свою репутацию врача, но, кажется, здесь и потеряю ее.

– Ваше искусство – ничто: все сделает сама натура!

– Натура уже и сделала, – намекнул (очень осторожно) Вейкардт. – Если не верите мне, распахните рубашку на груди больного: его тело в нехороших пятнах…

Ланского стало рвать. Еще до болезни у него появился на руке прыщик. Теперь он раздулся, вокруг нарыва образовался черный круг. Шпанские мушки вступили в свое ужасное действие. Соболевский, вконец растерянный, шепнул Вейкардту: «Savez-moi, je suis perdu!» (Спасите меня, я погиб!) Ланской отворачивался от императрицы к стенке, просил, чтобы его оставили в покое. Ночью пьяный камердинер Бжезинский грубо требовал от Вейкардта, чтобы тот удалился. Из-за ширмы Вейкардт пронаблюдал, как Бжезинский поил Ланского крепчайшим коктейлем… «С этого момента, – писал Вейкардт, – я решил, что сиделкою должна быть женщина, ибо женщины не бывают пьяницами…»

Стояли очень жаркие дни, над озерами Царского Села парило. Екатерина допрашивала Мельхиора Вейкардта:

– Если у Саши воспаление горла, то почему же он легко глотает воду и пищу, а горло стало болеть у меня.

– Вы проживете долго, а ваш прекрасный фаворит к утру будет лежать на столе, – честно ответил Вейкардт.

Соболевский обнадеживал императрицу:

– Кризис миновал! Уже выступил обильный пот.

– Предсмертный, – сказал Вейкардт и уехал…

Ланской умер в четыре часа ночи. Перед смертью он просил похоронить его под окнами дворца – в парке. Екатерина закрылась, никого к себе не допуская. От этих дней осталась ее запись: «Еще вчера я была счастлива, и мне было весело, и дни мои проходили так быстро, что я не знала, куда оне деваются. Теперь я погружена в глубокую скорбь; счастья не стало; мои комнаты превратились в пустыню». Безбородко она не приняла:

– Делайте, что хотите, только меня не трогайте…

Екатерину перепугало появление в ее комнатах неизвестного молодого человека. Он опустился перед ней на колени.

– Кто вы, сударь? – спросила она.

– Не лишайте меня своей благосклонности, – отвечал тот. – Я князь Дмитрий Кантемир, потомок господарей Молдавских.

– Что вам угодно от меня?

– Место при вашей особе, которое после смерти Александра Ланского стало вакантно…

– Вы даете себе отчет в том, что сказали?

– О да! И буду счастлив служить вам в алькове…

Екатерина брякнула в колокольчик, вызвала караул:

– В крепость наглеца! На хлеб и воду!..

Следствие установило: молодой человек женат на Елизавете Хрущовой и опутан долгами. Во время болезни Ланского князь Кантемир постоянно шнырял вокруг дворца, живо расспрашивая лакеев о здоровье фаворита, и заметно радовался его ухудшению. Был уже не раз пойман в комнатах близ покоев государыни, а когда его выводили под руки, сказывал, что ошибся дверьми. Желая стать фаворитом, Кантемир мечтал единым махом расплатиться с долгами, а жене обещал купить алмазную брошку. В крепости искатель фавора сошел с ума, так что выпускать его на волю стало нецелесообразно. Решили в крепости его и оставить, пока снова не поумнеет… На все воля божия! Екатерина велела запрягать лошадей и уехала в Пеллу – в глушь лесов, в приневские чащобы, где царит безлюдье, ревут по ночам лоси, скачут между соснами рыжие белочки. Там строили дворец, схожий с Таврическим; от него сейчас ничего не осталось – Павел, вступив на престол, разрушил его до основания.

…

Она прихватила с собой в Пеллу научный трактат доктора Циммермана «Об уединении», который лишь усилил ее меланхолию. Начались странные дни российской истории: государственная машина двигалась по инерции дальше, но без участия самодержавной власти, Екатерина не снимала траур, предаваясь неутешной скорби, не желая вникать ни в какие дела. Учреждения империи функционировали, как и прежде. Безбородко не выпускал из своих рук бразды внешней политики. Не было только Екатерины, и подобная ситуация становилась опасной в первую очередь для нее же. Если этого не понимала она, поглощенная своими переживаниями, то ненормальное состояние дел понимал Безбородко, который умолял Потемкина бросить все и ехать в столицу…

Потемкина удерживали на юге дела кавказские, требующие особой бдительности. Войска он поручил своему племяннику Самойлову, они вступили в Тифлис, радостно встреченные грузинами. Но их появление за хребтом Кавказа

переполошило турок и персов, считавших Грузию своим владением. Лезгинские князья снова сделали набег на Грузию, русские войска на берегах Алазани впервые скрестили оружие с лезгинами, военная репутация которых была безупречна. Потемкин дождался известия о полном разгроме лезгин и только в октябре тронулся на север. Вслед ему летело письмо царя Ираклия II, писавшего, что за свою долгую жизнь он повидал воинов Надира, войска индийские и турецкие, лично сражался с лезгинами, но, увидав в бою русских, не мог представить, «чтобы какие-либо в свете иные войска могли быть подобными по храбрости войскам русским…».

В столице Потемкин сначала встретил Безбородко, поздравив его с графским титулом, недавно обретенным.

– А что сказывает Роджерсон? – спросил он.

– Иван Самойлыч и настаивал на вашем приезде, не видя иной возможности вернуть императрицу в прежнее нормальное состояние.

– Разве она так плоха? Где она сейчас?

– Из Пеллы мы ее едва в Царское Село вытянули…

Потемкин велел кучеру остановиться на одной из улиц, сам кинулся в калитку чужого дома, за поленницей поймал котенка и сунул его за отворот кафтана. Вернулся в карету.

– Езжай далее, – крикнул кучеру.

Екатерина, поникшая и сугорбая, ожидала его в Агатовых комнатах. В вазах стояли букеты из желтых листьев, пахнущих осенней прелью. Она нежно его поцеловала:

– Приехал… богатырь мой! Все меня оставили.

Потемкин сунул ей в руки мяукающего котенка:

– На-кось! Татарский… от самого Перекопа вез.

– Ой, батенька! Ты всегда угодишь мне…

Потемкин, обеспокоенный, тормошил женщину:

– Тебе надо дела делать, едем, Катенька, со мною… мушмулою в Массандре кормить стану. Чего ты здесь скорчилась?

Вечера были темнущие, шумели дожди осенние. В канделябрах на высоких консолях тихо оплывали разноцветные свечи.

– Ну что? – спрашивал Безбородко. – Оживает ли?

– Надо ее в Тавриду увезти, флот показать.

– Увезти можно, – соглашался граф. – Но вернее будет, на мое усмотрение, ежели сейчас ей молодого любителя подставить.

Потемкин взбеленился:

– Да не арсенал же у меня, чтобы пушка за пушкой выкатывать! Если сгоряча кого и подсунем, так сами потом не возрадуемся.

– Надо приискивать, – сказал Безбородко…

Душевный кризис разрешился без них, и опять-таки при обстоятельствах, вызывающих недоумение. Однажды, на ночь глядя, Екатерина, никем не узнанная, покинула дворец в Царском Селе, взяла наемную коляску, просила везти ее в город. Кучер, сочтя императрицу за какую-то барыньку, не поладившую с мужем, тронул лошадей, на всякий случай предупредив:

– А ведь рубля четыре с тебя. Есть ли деньги-то?

– Нету денег. Доедем до города – найдутся…

Зимний дворец стоял темный, без огонька, челядь давно спала. Екатерина долго стучалась, чтобы ей открыли.

– Да кто же там? – спрашивали сонные лакеи.

– Это я – ваша императрица…

Не навестив своих покоев, она сразу прошла в Эрмитаж, который оказался заперт. Ключей не было. Вызвав стражу, велела взломать двери прикладами ружей, в тиши Эрмитажа прилегла на диванчике. Но средь ночи проснулась, стала спрашивать в карауле: почему при въезде ее крепость не палила из пушек?

– Сейчас же пусть салютуют мне, – приказала она.

Санкт-Петербург был пробужден неожиданной канонадой. Гарнизон, поднятый по тревоге, встал в ружье. Никто не понимал, что случилось, а Екатерина криком звала к себе прислугу:

– Отчего шум в городе? Почему палят пушки?

– Ваше величество указали салютовать.

– Быть того не может! – отвечала императрица. – Разве ж я сумасшедшая, чтобы средь ночи самой себе салюты устраивать?..

И после этого она крепчайше уснула. Утром вполне здраво выслушала доклад Безбородко, снова вникла в дела государства и вела себя так, будто ничего не случилось. Был назначен прием дипломатического корпуса. Послы снова увидели перед собой активную и даже похорошевшую женщину. Движения ее были резкими, слова точными и весомыми… «Наконец, чтобы сообщить вкратце, – писала Екатерина в Европу, – у меня новый друг, очень способный и достойный своего положения». Так в списке фаворитов появилось новое лицо – Александр Ермолов.

Безбородко предварил Потемкина, что этот фаворит, читающий по вечерам императрице умные книжки, долго не задержится.

– Ладно, – ответил Потемкин, куснув себе ноготь. – Пока пусть будет этот. Свято место пусто не бывает…

7. Глубокие каналы России

Покои светлейшего наполняла музыка. Хоры русских волжанок соперничали с капеллою украинских бандуристов. Под пение молдаванских скрипок он исправил прежний проект о консерватории в Кременчуге – центр культурной жизни на юге страны переносил в Екатеринослав, ближе к морю, где быть «Академии Наук и Художеств». Единым росчерком выделил фразу: «По соседству Польши, Греции, земель Валашских и Молдавских и народов Иллирических множество притечет к нам юношества, которое возвратится на родину свою с неизгладимой благодарностью и привязанностью к России». Так он писал. Все верно. Все хорошо. Не оборачиваясь, светлейший – через плечо – передал бумагу Попову:

– Подписано! Штаты иметь университетские. Хандошкина от придворной службы избавить. Беру к себе в Академию с чином. Поди-ка, Степаныч, узнай, приехал ли Сарти? И проси его…

Начало 1785 года было нервным, его открытие не предвещало ничего доброго. На Кавказе случилось землетрясение, после чего из чеченского аула Алды выехал на белой лошади шейх Мансур, объявивший себя пророком, ниспосланным на землю после ее трясения, дабы предложить всем «священную войну» – газават! «Имею откровение от Аллаха, – возвещал Мансур, – истребить всех пишущих слева направо, чтобы на этом свете остались одни правоверные, пишущие справа налево…»

– Джузеппе Сарти здесь, – доложил Попов.

Глава Венецианской консерватории привез Потемкину из Вены поклон от Моцарта. Потемкин давно хотел бы иметь при себе Моцарта, но пока был рад и Сарти.

– Я вам поручаю свою капеллу, – сказал он композитору. – И вот вам текст канона «Господи, воззвах к тебе», который вы преобразите в торжественную ораторию.

– С каким оркестром желательно вашей светлости?

– Воля ваша. Исполняйте хоть на кастрюлях. Но мне думается, что оркестр симфонический можно усилить звучанием рогов…

Не прерывая беседы о музыке, он подписал указ об учреждении Кавказского наместничества. Следовало ожидать нападения Мансура на Военно-Грузинскую дорогу, и тогда Мансур пресечет сообщение Грузии с Россией… Потемкин пошевелил пальцами.

– Я весь внимание, – сказал из-за спины Попов.

– Сочини так: противу мятежников выслать войска добрые. И желательно усмирить их сразу. Пророка именуй «лжепророком».

Посланный на Сунжу отряд при двух пушках был наголову разбит войском шейха Мансура, горцы вырезали до шестисот солдат, многих утащили в горы – вместе с пушками, которые Потемкин и велел выкупить обратно за сто рублей.

– Новая нам язва, – сказал светлейший.

Теперь шейх Мансур бросился на Кизляр, дабы отрезать русские пути от Азова и Астрахани, и Потемкин доложил Екатерине, что в действиях лжепророка чует опытную, сильную руку:

– Укажи писать Булгакову, чтобы предупредил не токмо визиря, но и посла французского Шаузеля-Гуфье: в делах азиатских Россия никаких перемен не потерпит…

Екатерина сообщала, что вскоре она ожидает приезда нового французского посла – графа Сегюра д’Агессо:

– Он тоже писатель. Как и я, грешница…

Никто еще в ту пору не предполагал, что война на Кавказе, возникшая в 1785 году, закончится лишь взятием аула Гуниб в 1864 году.

…

Один за другим отошли в небытие сначала Вольтер, а потом и Дидро. Мыслители покидали тревожный мир, когда Екатерина, уже достигнув славы, не нуждалась в их поддержке и похвалах, теперь с ними, с мертвыми, можно и не церемониться.

– Каждый век, – декларировала она, – обязательно порождает трех-четырех гениев, создаваемых природою исключительно для того, чтобы они обманывали все человечество…

Однако, выразив им свое монаршее презрение, императрица поступила умно, выкупив для Петербурга библиотеки Дидро и Вольтера….Франция! Главный источник свободной мысли, кладезь революционных прозрений. В отношениях Франции с Россией еще до Петра I создалось ненормальное положение: народ Франции тяготел к России, но правители Версаля не желали сближения с Россией… Екатерина подозревала:

– Приезд графа Сегюра сулит нам нечто новое!

К тому времени Россия была авторитетна на континенте, а магазины Парижа украшали вывески: «A la dame russe» или «Au Russe galant». Победы Румянцева и Суворова сделали Екатерину самой модной дамой Парижа; в лавках Пале-Рояля нарасхват торговали детскими распашонками, сшитыми по выкройкам русской императрицы, сарафанами и кокошниками; в большом ходу были хвалебные или злоречивые книги о нравах русского народа.

Франция лучших своих дипломатов расставила по флангам своей политики: Шуазель-Гуфье обязан вредить России на берегах Босфора, а граф Сегюр на берегах Невы надеялся вовлечь Россию в дружбу с Версалем. Сегюру было всего тридцать лет; он был хорош собой, языкаст и облечен личным доверием короля.

По прибытии в Петербург Сегюр терпеливо выслушал прусского посла Гёрца, который нашептал ему на ухо:

– Дикая страна, и нравы дикие! Но самое дикое – сама императрица. Комедия вызывает у нее скуку, в трагедиях она заливается смехом. Ухо ее не воспринимает очарования мелодий, но из тщеславия она окружает себя лучшими певцами мира. Она могла бы иметь изысканнейший стол в Европе, но ограничивает свои вкусы картофелем с телятиной и паршивым соленым огурцом.

– В чем же секрет успехов этой женщины?

– О! – закатил Гёрц глаза. – Она не устает твердить, что Россия – страна великая, ее солдаты из неотесанных мужиков подобны античным героям, здесь все исполнены рыцарского благородства, страна их чрезвычайно богата, а русским, конечно, импонируют эти похвалы с высот престола…

В посольстве граф Сегюр ознакомился с высказыванием о Екатерине своего предшественника: «Эта женщина всегда остается только женщиной (!), представляя неслыханное сочетание мужества и слабостей, познаний и бездарности, твердости и небывалой решительности, какой позавидует любой мужчина…» Преследуя тайные цели, Сегюр навестил шведского коллегу, барона Фридриха фон Нолькена, который великолепно сжился с Россией, взяв в жены прибалтийскую баронессу фон Мантейфель. Сегюр в разговоре с послом Швеции деликатно выразил сочувствие по случаю очередного голодания в его королевстве:

– Я слышал, в провинции Скании опять неурожай!

– Да. Но голода никогда бы не случилось, – отвечал Нолькен, – если бы наш заносчивый король не отправлял зерно на выгонку водки, доходы от продажи которой тратятся им на увеличение флота. Русские от меня ничего не скрывают, и я сам наглядно вижу, что шведскому флоту за русским теперь не угнаться.

Сегюр спросил: правда ли, что русское железо стало по своим качествам соперничать со знаменитым шведским?

– Увы, это так, – согласился Нолькен. – Рабочие со шведских заводов спасались от голода в России, Потемкин нарочно селил их семьями на уральских заводах. Там они, конечно, благодарные России за ее гостеприимство, и передали русским мастерам многие секреты своего производства…

– Что вы скажете о новом фаворите Ермолове?

– Лишь одно. Когда Екатерина, еще молодая, путешествовала по Волге, она как-то ночевала в имении Ермоловых, где ей понравился мальчик, сын бедных дворян. Она его угостила конфетами и сказала, что будет о нем всегда помнить. Слово свое, как видите, императрица сдержала: мальчик стал ее фаворитом. Но, смею думать, он долго не удержится. Ермолов скромен и, кажется, очень стыдится своего положения… На его месте способен удержаться только бесшабашный мерзавец!

Сегюр появился на балу в Зимнем дворце, его закружило в вихре парчи и золота, алмазов и кружев, сарафанов и кокошников. Все менялось на Руси, но эталон женской привлекательности оставался неизменным: «Дамы плечистые, благоприятные. Бюст возвышенный обязан был опираться на массивный пьедестал, под которым располагался не менее внушительный фундамент». При этом лица белили, щеки румянили, брови сурьмили, на обнаженную грудь дамы нещадно лепили мушки из бархата, черного и красного, а железные корсеты не могли унять ширины корпуса…

К послу Франции подошел светлейший (и небритый).

– Как вам понравился Петербург? – спросил он.

– Почти Версаль, – отвечал Сегюр.

– Не льстите! Скорее уж Золотая Орда, только вчера оставившая свои кибитки на углу Марсова поля и Миллионной улицы… Осмелюсь узнать: с чем вы прибыли к нам, посол?

– С выражениями истинной дружбы, которую желательно закрепить торговым трактатом, выгодным для России.

Потемкин горою возвышался над миниатюрным Сегюром.

– Только не предлагайте нам своего вина, – сказал он. – Скоро у нас в Тавриде забьют из-под земли свои фонтаны шампанского, и тогда… Граф Кобенцль! – грубо окликнул он вдруг посла венского. – Идите сюда. Ко мне. Я послал в Токай

своих людей, чтобы закупили там виноградные лозы. Однако ваш император наложил запрет на их вывоз. Я вам заявляю, Кобенцль: торговый трактат с Веною не будет одобрен мною, пока моя Таврида не получит из вашего Токая лозу виноградную…

Когда он удалился, Сегюр спросил Кобенцля:

– С вами здесь всегда так разговаривают?

– Мы привыкли. Привыкайте и вы…

Екатерина играла в карты, за ее спиною скучал Ермолов – высокий стройный бондин, лицо которого портил широкий, приплюснутый нос, за что Потемкин и прозвал его le negr blans (белый негр). Вот он склонился к плечу императрицы, что-то выслушал от нее и решительно направился в сторону Сегюра:

– Ея величество желает говорить с вами.

Сегюр приблизился, Екатерина смотрела весело.

– Где вы успели побывать, граф? – спросила она.

Сегюр ответил: в Европе много разговоров о русских банях, и он, прибыв в Россию, сразу же посетил народную баню.

– Жара была нестерпимая, я боялся дышать. Банщики же, взяв в руки громадные вееры из березовых веток, стали меня ими опахивать, очевидно желая навеять на меня прохладу… Глупцы! – воскликнул Сегюр. – От дуновения этих вееров я не ощутил свежести, мне стало еще жарче, и я спасся бегством.

Екатерина сказала, что Россию определяют не бани с вениками, не водка и пироги, не щи да квасы.

– Если вам желательно посмотреть настоящую Россию, я предлагаю вам, посол, путешествие по ее каналам… Там, на каналах, я и подумаю – что мне просить у Франции?

– Сразу проси голову Шуазеля-Гуфье, – захохотал Потемкин и, отодвинув Ермолова, уселся напротив императрицы как первое лицо в государстве…

…

Потемкин и Безбородко соблазняли императрицу путешествием в Таврические края, но Екатерина прежде согласилась на маршрут лишь по каналам Вышневолоцкой системы, снабжавшей Петербург и флот припасами. Она допустила, кажется, политическую бестактность, пригласив в попутчики послов враждующих стран – Франции и Англии:

– Двух пауков в одну банку! Поглядим, как милорд Фицгерберт станет отрывать лапы графу Сегюру…

Жизнь любой страны отражена, конечно, в жизни ее провинций. А внутри России многое изменилось. На месте бывших сел возникли молодые города, площади обставились каменными строениями с каланчами, за полчаса до полудня по всей стране музыканты играли на валторнах, возвещая о часе обеденном. Подле присутствий – тюрьма, пожарное депо и гауптвахта для пьяниц-чиновников, которые словесным внушениям уже не внимали. Наместники вершили суд и расправу, имея в залах дворянских собраний седалища, подобные трону, казна выдавала им сервизы из серебра и золота (для представительства). Россия была разделена на полосы – северную, среднюю, южную. Чиновники севера носили мундиры с голубизной, средних губерний – вишневые, южане – фиолетовые. Соответственно, и дамы в своих нарядах обязаны были придерживаться расцветок своих губерний. Однако носить всегда одноцветное платье дворянкам было невмоготу. Екатерина дивилась пестроте нарядов, которую помещицы объясняли тем, что имения их расположены в различных губерниях… Кареты царского поезда сопровождали почтальоны, одетые в зеленые куртки, шапки их были украшены со лба медными гербами империи, а на затылках – служебными номерами.

У развилки дорог нечаянно встретили графиню Прасковью Брюс, ехавшую в свое имение, и Екатерина велела остановиться.

– Простила ль ты меня, Като? – спросила Брюс.

Выглядела подруга так, что в гроб краше кладут.

– И ты меня прости, – отвечала Екатерина…

Кареты разъехались – навсегда! Потемкин, невзирая на ухабы и тряску, играл с Сегюром в шахматы, выпиленные из вулканической лавы Везувия. Екатерина, расстроенная встречей с умирающей подругой, тихо всплакнула, сказав по-латыни: «Fuimus» («Мы были»). Над цветочными полянами кружились белые капустницы. Сегюр неожиданно завел речь о Китае и спросил императрицу: как складываются отношения России с Пекином?

– А никак! – ответила она, сморкаясь в платочек. – Я даже боюсь вспоминать, что такой Китай существует. У мудрецов Пекина на все сыщется бесподобное решение. Когда в дар богдыхану послали свору великолепных борзых, богдыхан просил еще прислать. Выяснилось, что наши русские собаки, поджаренные на касторке, очень понравились его мандаринам…

Отшутилась, а на самом-то деле граница с Китаем снова становилась тревожной. Безбородко показал Потемкину свое письмо к Воронцовым, в котором не скрывал опасений: «Китайские наши дела дошли почти до разрыва. Они нам прислали два бранных листа… пресечение торгу (в Кяхте, надо полагать) ознаменили пушечным выстрелом. Думаю, что это значит некоторое объявление войны. У нас приняты меры к обороне…»

– Где ты увидел оборону, – сказал Потемкин, – ежели нам до Амура и за год на телегах не добраться.

– Дай письмо сюда, – велела Екатерина и своей рукой добавила к словам Безбородко: «Если б Амур мог нам только служить путем, через который легче продовольствовать Камчатку, и тогда обладание им имеет уже значение». Поставив точку, она сказала попутчикам: – Китаю следует показать, что Россия уже не та, что при Анне Иоанновне. Надо будет, и дадим звону!

Все это – в присутствии Сегюра, совершенно откровенно, и посол Версаля, ощутив доверие русских, сказал императрице:

– Вы полковник преображенский, а я полковник драгунский, мы, смею думать, будем вести себя храбро… Я желал бы вынудить Россию на торговый трактат с Францией.

Он воззрился на Потемкина, ища в нем поддержки.

– Я только генерал-фельдмаршал, – отвечал светлейший. – Вы, полковники, сами и договаривайтесь…

– У вас есть к тому полномочия? – спросила императрица Сегюра; полномочий не было. – Вы и в самом деле храбрый полковник! – Екатерина перешла к иносказательной форме: – Опять лошади понесли… Скоро ездить хорошо, от долгов спасаясь, а мои финансы, слава богу, пока в порядке.

Боровичи имели герб: золотое солнце на щите и руль корабельный. Городу исполнилось всего два года, в нем и окрестных деревнях жили летцманы, бурлаки, плотники, грузчики и горшечники. Потемкин купил на пристани глиняную свистульку и стал дуть в нее радостно, как мальчишка, а Екатерина купила у баб крынку для молока… Безбородко объяснил дипломатам, что каналы Вышневолоцкие Волгу с Балтикой соединяют:

– Теперь сольем Двину с Камою, и можно, сев на корабль в Архангельске, сойти на берег уже в Персии…

У пристани их ждали барки, на одной из них работала кухня. Екатерина налила в крынку молока. Потемкин раздобыл краюху горячего крестьянского хлеба. Они спустились в каюту, чтобы никто не мешал им разговаривать.

– Очень хорошо, – сказала императрица, – чтобы мы не возобновили трактат коммерческий с англичанами. Паче того, Питт не признал нашей «Декларации о вооруженном нейтралитете».

Получилось так, что договор с Англией был уже готов. Но вдруг стало известно, что Питт Младший вошел в союз с Фридрихом II и союз их оформился против Австрии (а значит, и России).

Было очень вкусно запивать хлеб парным молоком.

– Фицгерберт совсем уж дохлый, – сказал Потемкин.

– Да и комары всего изгрызли.

– А чего потащился за нами? Или каналов не видел?

– Наверняка поехал за Сегюром шпионить, дабы не возникло меж нами трактований… Поговори с Сегюром, что он скажет тебе? А милорда дохлого припугнем: я на английские товары сборы накину, вот и пусть в Сити на меня скалятся!

Караван барок тихо отплыл на рассвете, по берегам Меты потянулись заливные луга, поросшие березовыми рощами, потухали в ночном костры пастухов, к водопою сходились стада. Завтракая в салоне, Екатерина злорадно высмеивала прусского посла Герца, союзного послу английскому, а Потемкин при этом еще забавлялся детской свистулькой.

Фицгерберт не вытерпел и сказал:

– Как может человек, любящий Гайдна и Моцарта, понимающий Сальери, наслаждаться этим варварским свистом?

– Англия, – ответил Потемкин, – не дала миру ни одного композитора, и что вы, англичане, понимаете в музыке? Звучание ваших волынок для меня как мычание недоеных коров…

Фицгерберт вскоре удалился в каюту, второй выпад Екатерины предназначался графу Шуазелю-Гуфье. Сегюр остался спокоен.

– Однако на этой речке сильное течение.

– На Босфоре еще сильнее, – намекнул Потемкин.

– Если из Босфора и вынесет графа Шуазеля-Гуфье, то вряд ли это коснется меня, плывущего ради иных целей, – отвечал Сегюр.

– Давайте без церемоний! – предложил Потемкин.

Сегюр воспринял эту фразу всерьез, а Потемкин залучил его в свою спальню, показав на кровать, куда садиться. Сегюр красочно обрисовал выгоды от торговли на Черном море, заметив, что Шуазель-Гуфье и его влияние на Босфоре ничего не значат для него, графа Сегюра, который всей душою готов поступать в духе противоположном… Потемкин в свою очередь вспомнил происки Гарриса:

– Человек коварный и строптивый, бог его накажет.

– Если вы желаете отомстить, так нет лучше способа: заключите с Францией торговый трактат, и будем друзьями.

Потемкин потребовал от Сегюра полной откровенности:

– Какими словами Вержен провожал вас в Россию?

– Это тайна нашего кабинета. Но я сижу на вашей постели, вы позволили мне быть вашим другом, я не скрою: инструкции короля и Вержена – самые безнадежные! Меня послали в Россию, не рассчитывая на успех моей миссии, о вашей же светлости мне было сказано: вы и есть главный враг Франции!

– Я докажу обратное, – возразил Потемкин, раскатывая на столе голубую карту Вышневолоцкой системы каналов. – Думайте, пока плывем по реке. Когда наши барки втянутся в озеро Ильмень, я потребую от вас, Сегюр, окончательного решения…

Красота ландшафтов была поразительная. Бронницы с храмами на горе выступили вечером – как сказка. Безбородко доказывал Фицгерберту, что бронницкое сено – лучшее сено в мире:

– Я бы его сам ел, да тогда скотине не хватит…

Караван медленно втянулся в озеро Ильмень.

– Ваше решение созрело, Сегюр? – спросил Потемкин.

– О да, ваша светлость!

– Что вас удерживает?

– Королевское упрямство. Если король признал безнадежность отношений с Россией, то не дезавуирует ли он меня, своего посла, отказом от ратификации трактата?

Потемкин ответил: не таковы сейчас дела Франции, чтобы ее король пренебрегал связями с Русским государством.

– Составьте проект соглашения, – сказал он. – Если ваш проект понравится мне, его одобрит и сама императрица.

К сожалению, в каюте Сегюра не нашлось ни перьев, ни чернил. Он постучался к соседу Фицгерберту, прося дать ему и то и другое. Английский посол с подозрением спросил:

– Что вы собираетесь писать нашими чернилами?

– Всего лишь эпитафию на могилу Земиры, которая имела честь служить при дворе Екатерины самой умной собачкой… Кстати, она была из породы английских левреток.

– Английские собаки – умнейшие в мире, – ответил посол.

О, ирония судьбы! Английскими чернилами французский посол составил проект союза с Россией, направленный против Англии; рикошетом попадало и Пруссии. Посреди зеркально застывшего Ильменя, под всплески весел, Потемкин проект одобрил:

– Отлично, посол! Можете открывать свои консульства в Херсоне и Мариуполе, только добавьте здесь, что Франция предоставляет России права нации с наибольшими преимуществами в торговле… Вам это все равно, а мне будет приятнее!

Екатерине проект тоже понравился. Безбородко сказал, что подобной бумаги ни Франция, ни Россия не могли добиться с 1629 года – со времен барона де Курменена. Екатерина заметила: на такие документы везет только очень плохим

дипломатам.

– Очевидно, Сегюр таков и есть!

– Плохой, но войдет в историю политики Европы, – заметил Безбородко.

– Так бывает, – согласился Потемкин. – Ведь и некрасивые женщины иногда более счастливы, нежели красавицы…

Сегюр, истинное дитя XVIII века, был поклонником «будуарной» дипломатии, полагая, что в легкости приятных отношений можно достичь большего, нежели с серьезным видом скучать за круглыми столами конгрессов и конференций. Потемкин тоже любил «будуарные» приемы дипломатии, в живом общении с людьми он добивался успехов быстрее, нежели ведя переговоры в официальном порядке… Размахнувшись, он далеко-далеко забросил глиняную свистульку в спокойные воды Ильменя.

Впереди уже сверкали золотом новгородские храмы!

Трактат назвали: «О дружбе, торговле и мореплавании».

8. Под его вымпелом

Вот и Волхов, плыли дальше… Екатерина хотя и не всегда писала по-русски грамотно, но все-таки гораздо грамотнее многих русских. Во всяком случае, русский язык она любила, понимала его сочный вкус и разговорную сласть. «По мнению ее, – писала Дашкова, – русский язык, соединяя в себе богатство, силу и выразительность немецкого с музыкальностью итальянского, сделается со временем языком всего мира». В плавании по Волхову Екатерина продолжала загружать свой «сравнительный словарь» двухсот языков мира, силясь доказать, что многие языки на планете имеют корни славянского происхождения. Потемкин был против ее лингвистических ухищрений, он говорил императрице, что с таким же успехом берется вывести русские слова из корней языка латинского:

– Если не веришь, матушка, я тебе тоже словарь составлю: мортус – мертвый, ест – есть, ту – ты, пастор – пастух, стат – стоит, окулист – око, матер – мать, новус – новый. И так могу продолжать без конца…

Караван барок втянулся в Неву, после Боровицких порогов Невские пороги уже не казались страшными. Скрывать свои женские страдания Екатерина не сочла нужным и, показывая на дворец Пеллы, сама призналась:

– Вот здесь я провела худшие в жизни дни, какие только могут выпасть в судьбе женщины. Черт меня дернул в ту пору зачитаться старым дураком Циммерманом! Его трактат об уединении, которое он восхваляет как лучшее лекарство для души, надо бы сжечь как крамольную книгу…

Показался Петербург. Потемкин высадил на Дворцовой набережной Екатерину и дипломатов, а сам навестил Дениса Фонвизина.

– Мольеру, брат, не завидуй, – сказал он ему в утешение. – Твои бригадиры да недоросли переживут на Руси маркизов да тартюфов мольеровских. Описал ты их бессмертно!

– Зато сам смертен. По земле не хожу, а ползаю.

– Все мы смертны, Денис, едино дела наши бессмертны…

Отдохнув дома, Потемкин отправил в Екатеринослав большую библиотеку – для чтения, послал в Херсон капеллу свою – для пения. Синельников между тем, видя, что покупателей на земли степные да крымские не находится, стал раздавать их бесплатно, и нищие офицеры армии, мичмана флотские становились обладателями больших поместий, образуя новое на Руси дворянство: таврическое. Синельников и Гавриле Державину (по свойству родственному) 6000 десятин подарил: бери, коли дают… Потемкин на гнев крепостников отвечал бранью:

– Им бы, дуракам, не беглых у меня сыскивать, а по доброй воле селить мужиков в местах новых. Земли таврические, кои ныне копейки стоят, через полвека станут доходы миллионные приносить… Хватятся потом, да поздно будет!

Через свою канцелярию он указал немедля закладывать в Херсоне литейное производство: требовались ядра и пушки для флота. Светлейший давно разослал по стране партии рудознатцев, и старания их не пропали даром: возле Кривого Рога сыскали богатые залежи угля и железа… Потемкин ощущал себя вроде Колумба, открывающего для отечества новую Америку. А помещики севера России проклинали его – помещика южной России; при дворе, в коллегиях и в Сенате открыто говорили, что все начинания Потемкина – мыльные пузыри, городов там нету, флота нету:

– Это он нарочно напридумал, чтобы казну грабить…

Потемкин, в свою очередь, требовал у Екатерины:

– Дабы вздорные слухи пресечь, матушка, ты как хочешь, а я тебя в Тавриду выманю, и ты своими глазами убедись…

Безбородко наседал на Потемкина, чтобы тот не забывал о делах кавказских. Потемкин отвечал ему:

– Мансура от Кизляра отбили и дальше гнать станем. Об одном бога молю – только бы чумы снова не было…

Доктору Самойловичу он советовал ехать в Египет, дабы выяснить там условия, в каких чума зарождается; из Тавриды ученый Габлиц рапортовал о начале посадок платанов и кипарисов в Алупке, Ялте и Симеизе; Габлиц преподнес светлейшему «Физическое описание Таврической области» – первую книжку о Новой России.

Григорий Александрович сказал Рубану:

– Габлиц нефть обнаружил. Куда девать ее?

Рубан заложил перо за ухо, ковырнул в носу:

– А кто ее знает! В новых местах на Руси мужики колеса у телег сливочным маслом мажут, чтобы не шибко скрипели. Может, из нефти тоже смазка получится? Или лучше того – нефть эту возжигать в лампадах божиих, а?

– Все храмы завоняем, – возразил Потемкин. – Бог с ней. А вот соль крымская – это и селу и городу всегда подарок…

В конце августа Мансур вторично подошел под Кизляр с многотысячным войском, но огнем пушек и атакою терских казаков был разбит. Из Кизляра Потемкину переслали письмо Мансура; в углу его была оттиснута голубая печать: «Имам ал-Мансур». Имам предлагал русским властям установить твердый прейскурант на выкуп пленных детей, женщин, солдат и офицеров. Вывод был печален: Турция, по сути дела, уже открыла военные действия против России.

– Хлеба, которые там зреют, – распорядился Потемкин, – до жатвы вытоптать кавалерией. Которые в скирды убраны – те жечь! Если мятежники погонят скотину на выпас в долины наши, скотину отбирать… И поступать без жалости!

Дашкова переслала ему из Академии материалы о древней колонии греков Ольвии, где потом кочевали скифы; на карте светлейший высмотрел это место – при слиянии Буга с Ингулом, там открыли шанец, но шанца мало. Он спросил Рубана:

– А что у нас близ этого шанца, знаешь ли?

– Да ничего… Иностранец Фабри завел там хутор, овец выращивает. А возле шанца расселись запорожцы, из Сечи бежавшие. Ничего там нету, да и чему там быть?

– Однако, – сказал Потемкин, разглядывая карту, – если тысячи лет назад греки в Ольвии имели цветущий город, чеканили свою монету, надо полагать, что место сие было выгодно промыслами. И расположено удачно. Смотри сам: Днепровский лиман, откуда ни сунься, загражден Очаковом. Херсона нам уже мало, в устье Буга необходим город, где бы корабли строились и люди жили… Название? Так я название сразу придумаю. Нике – победа, а лаос – народ. Чем плохо?

Так зародилась мечта о городе НИКОЛАЕВЕ – славном граде мореплавателей и кораблестроителей, «Nike i laos»».

…

– Разумовский, – сказала Екатерина, – надеюсь, уже пропитался в Дании ядом противушведским, и не пора ли, Александр Андреевич, готовить его для Стокгольма… Что еще у нас важного? Циммерману я писала, что Гёрц дурак и на все мои слова отвечает только в полярных крайностях: да или нет! Надеюсь, «старый Фриц» перлюстрировал мое письмо к Циммерману, и Гёрц уволочит из Петербурга свои поганые кишки…

– Еще неясно, кого пришлют на его место.

Екатерина отвечала Безбородко:

– Кого бы ни прислали, будет он врагом нашим.

– И большим другом в Гатчине и Павловске.

– Ты прав, конечно. Но не стрелять же мне всех…

Безбородко напомнил о депеше Булгакова: граф Шуазель-Гуфье предложил туркам расположить в крепостях Босфора гарнизоны французские – пока 3000 солдат. Екатерина стала диктовать ответ: «Мы не обыкли интересов России отдавать на решение времени… Прибегаем к средствам от Бога нам данным по охранению славы нашей, величия государства нашего и безопасности его пределов». Безбородко быстро записывал.

– Закончи без меня, сам знаешь, что надо говорить в таких случаях. Пусть Яков Иваныч донесет до великого визиря нашу волю: дела азиатские мы почитаем совершенно чуждыми для всех европейских народов, кроме народа российского.

– Не слишком ли резко, ваше величество?

– Пиши! Что я ни нажую, все проглотят… И не забудь дату поставить: писано в дождливое число жаркого месяца в год денежного неурожая по случаю нашей смерти от голода.

Екатерина ковыляла по комнатам, опираясь на костыль: у нее распухли ноги. Календарь на столе Безбородко показывал 15 ноября 1785 года. Явился ослепительный Потемкин с проектами новых указов. Екатерина спросила – с вызовом:

– А что, князь, если подпишу, не читая их?

– Попробуй, матушка. Не раскаешься.

Екатерина подписала указы, потом спросила:

– Теперь скажи, какую дурь твою я опробовала?

– Подписала ты указ, чтобы в Екатеринославе была Греческая гимназия, а в Херсоне второй Морской корпус.

Безбородко захохотал. Екатерина выронила костыль:

– Послушай, князь, да в уме ли ты? Греческая гимназия в Петербурге есть, в Кронштадте имеется и корпус Морской…

– Мало, – отвечал ей Потемкин. – Людей для флота Черноморского не хватает, нужны офицеры из южан, а Греческая гимназия тоже даст немало дельных купцов и мореходов.

– Тебе это нужно? – со значением спросила Екатерина.

– Почему мне? – возмутился Потемкин. – Я все уже имею от жизни, и мне давно ничего не нужно. Тебе, кстати, тоже не нужно. Но флоту необходимо, и ты поверь, что я прав.

– Я сегодня добра. Говори, чего еще хочешь?

– Хочу два миллиона рублей.

– А где взять?

– Укради, но… дай! – Потемкин сказал, что польский магнат князь Франциск Ксаверий Любомирский распродает свои исполинские владения на Украине и два миллиона рублей он просит лишь за четвертую их часть. – А у него там виселицы в именьях понаставлены. Мужикам руки топорами отрубают… Не чужие ведь люди – свои же, православные, малороссияне!

Екатерина подумала и вздохнула:

– У меня нет таких денег. Воруй сам.

– Я не стану – для этого у меня Попов имеется.

– Ладно. Когда на юг тронешься?

– Снега дождусь. Чтобы на санях ехать.

– Один ли едешь?

– Со мною графиня Скавронская…

Потемкин недолго влачил одиночество. Его племянница Катюша Скавронская не пожелала состоять при муже, из солнечного Неаполя вернулась в пасмурный Петербург. Заодно повесила на шею дядюшке и своих дочек. Потемкин нянчился не с ними, конечно, а с их матерью. Напрасно осыпал он женщину драгоценностями. Скавронская даже не глядела в их сторону, постоянно валяясь на турецких диванах, с головы до ног закутанная в шубы из горностаев, ласкавших ее обнаженное тело.

– У-у-у, коровища! – ругался Потемкин. – Оголилась вся, срамом трясешь тут… ни стыда, ни совести. Приоделась бы, кикимора смоленская, да в люди бы вышла!

– Скучно, дядюшка. В людях-то.

– Ну хочешь, в статс-дамы выведу?

– Ай! Одеваться надо. Чесаться. Мыться.

– Да хоть бы и влюбилась ты в кого.

– На што любиться-то? Мне и без того сладенько.

– Со мною-то поедешь ли до Херсона?

– Оставь меня лежать, дядюшка…

Потемкин отъехал. Корабельные мастера в Херсоне жаловались ему на Мордвинова: заведуя тылом флота, он ставил им палки в колеса. Если порт не имел краски для кораблей, Мордвинов указывал совсем их не красить, отчего дерево кораблей загнивало. Управлял же он бумажно – директивами… Мастера галдели:

– У кого власть, тот и бьет! Перевернешься – бьют, недовернешься – все едино лупят нас, будто нехристей. От таких дел хоть на живот ложисть да спиной закройся.

– Хватит! – отвечал Потемкин. – Я сам разберусь…

В делах флотских Потемкин соратников себе не отыскал. Марко Войнович, бес лукавый, служил как служится. Мордвинов был человек прямой, но от прямоты его сыт не будешь: он выступал против создания Севастополя, его пугало, что главная операционная база флота укрепилась на самом кончике Крымского полуострова. Мордвинов, если верить слухам, даже ненавидел этот быстро растущий город; по его мнению, положение с Черноморским флотом можно было выправить в одном случае: назвать сюда советников-англичан, пусть они и командуют… Попов подсказал:

– У него жена англичанка, дочь губернатора в Гибралтаре! Не с ее ли голоса Мордвинов и распелся эдак-то?

– Да что за чушь, – возмутился Потемкин. – Я с цыганками спал, но конокрадом не сделался… Дело не в жене, а в муже!

Неверие в планы Потемкина – вот что двигало Мордвиновым, человеком умным и образованным, но видевшим в Потемкине лишь фантазера, безобразного

расточителя сил народных и денег казенных… Потемкин решил повидаться с Мордвиновым.

– Николай Семеныч, – спросил он его, – ты мне ответь, как на духу: во сколько обошелся Севастополь казне русской?

– В двадцать тыщ рублей, ваша светлость.

– А я на клюкву трачу в год больше… Понял?

– Понял. И прошу для себя отставки.

– Отставки не дам: служи! – ответил Потемкин…

Его пожелал видеть Шагин-Гирей, выразивший большое неудовольствие, что казна платит ему лишь по чину генерал-поручика.

– Разве ж это мало? – ухмыльнулся Потемкин.

– Генералу много, а хану мало…

– Больше не получишь, – сказал князь, подумав.

Шагин-Гирей просил отпустить его в Турцию.

– Зачем? – удивился Потемкин.

– Не хочу жить среди вас… гяуров.

Потемкин возразил: «прововерные» великолепно уживаются с «неверными», если все вопросы религии оставить в покое и не путать дела церковные с делами служебными.

– Никто в России мусульман не притесняет: не хочешь вина – не пей, не любишь свинину – не ешь, а мусульманам, поверь, всегда можно жить в добром согласии с христианами. Хорошо, – вдруг согласился Потемкин, – о твоей просьбе, чтобы

отпустить тебя к султану турецкому, я обещаю написать императрице: как она решит, так и будет. Но я бы тебя… не отпускал!

В этом году Потемкин стал ПЕРВЫМ командующим Черноморским флотом, с присвоением кайзер-флага на мачтах того корабля, на палубу которого он ступит. Отныне весь флот и все его экипажи, Адмиралтейство с гаванями Черного и Азовского морей, все верфи на Дону и Днепре подчинялись ему и только ему (а генерал-адмирала Павла светлейший игнорировал).

Флот всегда был очень далек от придворных ингриг, и моряки России (как тогда, так и потом) давали Потемкину справедливую оценку. «Обладая даром удачного выбора людей, Потемкин управлял точными, определенными директивами, не стесняя ничьей инициативы, которую умел ценить и поддерживать. Ближайшее знакомство с деятельностью «великолепного князя Тавриды» совершенно уничтожает создавшийся по немногим фактам миф о распущенном самодуре, властолюбивом деспоте… Напротив, это был замечательный государственный деятель, человек в культурном отношении на голову выше своих современников. Это был человек, влюбленный в свое дело, гуманный и справедливый начальник, горячо заботившийся о благоденствии своего края, снискавший всеобщую любовь простым и сердечным отношением к подчиненным…» – так писали морские специалисты о Потемкине незадолго до революции.

9. Тяжелый багаж России

Польское панство бурлило по-прежнему. Браницкий, женатый на племяннице Потемкина, считал свое «староство» выше полномочий русского посла, и, пьяный, он обвинял короля в dominium absolutum (неограниченной власти). Между тем передовые мыслители Польши призывали упразднить барщину; производство хлеба в стране постоянно увеличивалось; Огинские прокопали канал, открывавший водное сообщение Польши с черноморскими портами; Потоцкие в Херсоне завели свой торговый флот, вывозя излишки польского хлеба за границу. Станислав Понятовский, огорченный раздорами шляхты, все более уклонялся в частную жизнь с разведенной пани Грабовской, окружал себя художниками и артистами, над своим замком установил первый в Польше громоотвод, поощрял создание публичных библиотек и обсерваторий. Все это, сделанное королем, отвечало духу «просвещенного абсолютизма». Однако

нравы польских панов оставались крайне жестокими, мелкое шляхетство холопствовало перед магнатами, повальное пьянство панов вредило работе сеймов, разводы в семьях стали считаться доблестью, а жены гордились не мужьями, а любовниками…

Россия в польском котле своего супа не варила, но Фридрих II иногда подбрасывал в это кипящее варево щепотку жгучего перца. Пруссия еще не теряла надежд на обретение Данцига, перед смертью Фридрих решил излить на Польшу и народ польский всю последнюю желчь своей стариковской злости… Создав фюрстенбунд, король не раз хвастал, что надел «прусскую шапку на немецкие головы». Он понимал, что умирает и союз с Англией – его последняя победа в политике. Циммерман, возможно, и хороший врач, но даже Гиппократ не взялся бы излечить человека от смерти… В сопровождении остроносых, поджарых собак, стуча тростью, король прошел в библиотеку. Здесь он застал своего чтеца-декламатора маркиза Джироламо Луккезини, которого в Пруссии называли «Ce serpent italien» (итальянский змий). Фридрих опустился в кресло, а собаки улеглись возле его ног. Луккезини имел только один глаз – второй был потерян им при взрыве реторты, когда он производил в погребах алхимические опыты, силясь добыть золото.

Король сказал:

– С каких же пор настолько низко пали итальянские маркизы, что стали продаваться в службу королям германским?

Ответ был получен незамедлительно:

– Очевидно, с тех самых пор, как германские короли настолько поглупели, что вынуждены их покупать…

Фридрих постучал пальцами по табакерке (это был его «ящик Пандоры») и, явно довольный дерзостью, заговорил:

– Не тратьте, умник, на меня свои ядовитые слюни, они еще пригодятся для того, чтобы обрызгать ими Польшу… Вы слышали, что мой Герц стал неугоден при дворе этой лживой ангальтинки? Я хотел, назло ей, назначить вас в Петербург на его место, но передумал: ваша обезьянья ловкость более необходима в Варшаве. Сейчас Россия окружает себя коммерческими

трактатами. В проекте у нее соглашение с Францией, осенью заключен договор с Веною… Чего я от вас хочу?

– Чего? – словно эхо, откликнулся Луккезини.

– С величайшим хладнокровием вы должны привести Польшу на скотобойню, чтобы предсмертный рев Речи Посполитой был услышан мною даже в могиле. Вы обязаны внушить шляхтичам мысль, что «москали» – их главные враги, а Пруссия… Пруссия еще способна спасти достоинство панства посполитого. Когда столкнете лбами поляков с русскими, мой наследник (меня уже не будет на свете, маркиз!) должен присоединить к Пруссии все нижнее течение Вислы… Надеюсь, вы меня поняли, маркиз?

– Я всегда понимал ваше королевское величество, – ответил Луккезини. – Но… какова мне будет награда?

Фридрих упрятал «ящик Пандоры» в карман ветхого мундира.

– Из чего у вас сделан искусственный глаз?

– Из лучшего саксонского фарфора.

– Выньте его сразу и выбросьте на помойку, – сказал король. – Я вам обещаю вставить глаз бриллиантовый.

– Но с вензелем короля Фридриха Великого… не так ли? – дребезжаще рассмеялся Луккезини, змий итальянский.

– Согласен и на это. Помогите мне подняться из кресла. Вы бы знали, маркиз, как отвратительна старость… Самое в ней печальное, что передние зубы выпали и я потерял возможность сыграть на флейте что-либо прекрасное. После себя я оставляю мемуары, в которых повыдергивал волосы с голов своих недругов… У меня получилась очень большая книга, маркиз!

– Вы правы, король, – ответил Луккезини, – я по себе знаю: чем тяжелее фолиант, тем легче раздавить им истину.

– Вы уверены в успехе своей миссии, маркиз?

– Я заставлю Петербург корчиться от боли.

– Благодарю вас. Ну, собачки, пошли гулять в садик. Вашему старому королю необходим свежий воздух – так учит Циммерман!

…

Екатерина, сытая после обеда, сидела на диване под картиной кисти Гроота, на которой был представлен этот же диван, занятый сейчас ею, только живописец изобразил на нем лежащую английскую левретку Земиру, на смерть которой любезнейший граф Сегюр сочинил недавно остроумную эпитафию в стихах. Могилка Земиры – в парке Царского Села, там же и могила фаворита императрицы Саши Ланского…

– Так что у нас еще? – спросила Екатерина Безбородко.

– Густав просит сменить в Стокгольме посла нашего.

– Выписывайте грамоты для Андрея Разумовского.

– А что делать с Шагин-Гиреем?

– Пусть пока посидит в Калуге на хлебах наших… Скажи, а сколько ныне талеров собрано в казне прусской?

– По слухам, семьдесят миллионов.

– Накопил-таки, скряга старый! А сколько войска?

– Двести тыщ штыков выставят в поле сразу…

В животе императрицы раздалось долгое бурчание.

– С такой армией, – сказала она, – можно перекокать все горшки в Европе… Думаю, наследник «Ирода» кубышку-то его быстренько растрясет! Когда человек до седых волос ожидает власти, он приходит к ней обязательно идиотом, очень много о себе воображающим… Я боюсь, – призналась Екатерина, – что этот пентюх вообразит себя великим, как и его дядя! Кстати, – спросила она, – а где ныне король польский?

– С пани Грабовской гостит в Несвиже.

– Охота ему на старости лет по болотам мотаться…

Пришло письмо от Потемкина: в эту весну край обезопасен от поветрий и лихорадок медицинским надзором; недавно между Ялтой и Балаклавой было землетрясение, погибли многие сады и посевы, а татары разбежались… Екатерина сказала:

– Враги светлейшего говорят, что там голая пустыня, а все ваши денежки он на забавы ухнул. Надо ехать, чтобы спасти престиж друга моего… Составь хороший «бульон», – велела она, – в котором ты от имени моего зови императора Иосифа, чтобы сопровождал меня до краев таврических.

– Хорошо бы звать и короля польского!

– С ним погоди… Так ли он нужен нам?

– Ваше величество, – ответил Безбородко, – но совместное путешествие в Тавриду только с императором Иосифом II может вызвать бурный гнев в Серале турецком…

– Согласна! Но император Иосиф, боясь моих политических чар, тужится ныне, тайком от нас, вернуть себе доверие кабинета прусского. В этом случае есть один способ – схватить его за фалды и тащить на ту дорогу, которую мы избрали… Занимайся своим делом. Я буду у себя в библиотеке.

В библиотеке ее ожидала молодая принцесса Зельмира, имевшая несчастье быть женою принца Вюртембергского. Екатерина поначалу выразила ей свое женское сочувствие:

– Признаться, я не люблю семейных сцен, в которых трудно найти виноватых, но ваши синяки слишком красноречивы. Однако ваш муж и брат моей невестки утверждает, что он вас больше не бьет.

– Это верно, что после сцены в Выборге он меня пальцем не тронул. Теперь меня сечет плетью его адъютант – майор Ганс Герздорф, а мой муж при этом только присутствует.

– Очень мило со стороны поклонника Руссо! Впрочем, я вас утешу: майор Герздорф уже посажен мною в Шлиссельбургскую крепость как шпион прусского короля… Отвечайте без промедления: что вам известно о сношениях прусского посла Кёллера, заменившего Гёрца, с моим сыном и вашей снохою?

Принцесса Зельмира испугалась:

– Я боюсь мести мужа.

– Он будет выслан мною как шпион шведского короля. Говорите же, каким образом он с ними сошелся?

– Через масонские ложи ордена Розенкрейцеров, во главе которых – герцог Зюдерманландский, брат короля шведского.

– И командующий шведским флотом?

– Да. Теперь я вспоминаю обед в Павловске…

– Кто присутствовал? – сразу напряглась Екатерина.

– Мой муж, я, прусский посол, моя сноха и ваш сын…

– Какие разговоры велись в этой банде?

– Сначала обсуждали дела масонские, затем ваш сын Павел выражал самые горячие чувства верности прусскому дому. Он сказал Кёллеру, что Потемкин готовит три армии и два флота. Две армии и флот Черноморский – против

Турции, а одну армию и флот Балтийский – против Швеции и… Пруссии.

Екатерина не показала виду, что поражена точностью этой информации, и спросила даже небрежно, вскользь:

– Как воспринял эту новость прусский посол?

– Кёллер сказал: России не удастся вести только одну войну.

– А сколько же?

– Сразу три: с Турцией, со Швецией и…

– С кем еще? Вы не бойтесь – договаривайте.

– И еще с Польшею.

– Благодарю вас… Вы останетесь у меня и можете занять комнаты в Эрмитаже, а потом я укрою вас от мести родственников в таком месте, где вы сможете безмятежно наслаждаться счастьем молодости[3 - Много позже по делу «принцессы Зельмиры» возникла бурная полемика между историками кайзеровской Германии, защищавшими политику русского Кабинета. Зельмира была укрыта Екатериной II в замке Лоде (в Прибалтике), где и скончалась при загадочных обстоятельствах. Уже в нашем веке была вскрыта ее усыпальница, причем в гробу женщины обнаружили скелетик новорожденного младенца.]. Но пока вы проживаете в моем Эрмитаже, я прошу вас вспомнить все, что слышали и что видели…

Екатерина вернулась в кабинет к Безбородко:

– Очень тяжелый багаж тащит Россия на своей шее.

– Вы расстроены? Что-нибудь узнали?

– Ничего нового. Но следует перехватывать на границе всех курьеров, бдительно следить за делами в Варшаве, тщательно перлюстрировать всю берлинскую почту…

Безбородко потратил ночь на расшифровку темных выражений в письмах цесаревича Павла к принцу Фридриху-Вильгельму.

– Мне стало ясно: maitre Gren – это ваш сын, под словом «Палац» скрывается вопрос о захвате Данцига пруссаками. Тут очень много масонских выражений, и не все мне понятно.

– Моего сына так и тянет в ложи герцога Зюдерманландского… Это проклятое масонство есть сущая язва рода человеческого!

Безбородко доложил: из Калуги перехвачена секретная переписка бывшего хана Шагин-Гирея, который сносился с турками в Анапе и ногайскими мурзами в Тамани.

– А зачем нам иметь при себе лишнюю хворобу? – вдруг сказала Екатерина. – Если его поганой светлости прискучило жить на моем иждивении, так пускай переберется на хлеба Турции…

Безбородко между делом сообщил ей, что князь Потемкин все-таки покупает украинские поместья князей Любомирских.

– Странные дела! – удивилась Екатерина. – Я, императрица, не могу достать двух миллионов. А мой верноподданный вынимает их из кармана. Может, и правы люди? Я привезу Иосифа в Тавриду, и мы оба, как два последних дурака, будем рассматривать из окошек кареты безжизненную пустыню. Возможно ли такое?

Решительно она миновала комнаты канцелярии, вернулась в свои покои, давно желая поговорить с фаворитом Ермоловым.

– Видит бог, – сказала она, – как мирно и спокойно продлевалось наше содружество. Но вы должны понять меня! Я женщина не первой свежести, а вы еще молоды и преисполнены сил. Я очень устала. Давайте мирно и тихо расстанемся, чтобы остаться добрыми друзьями. Чтобы вам не было без меня скучно, я предлагаю вам деньги для увлекательного путешествия по Европе.

Александр Петрович Ермолов не стал цепляться за ее подол, откланялся и уехал, оставшись в летописи русского фаворитизма человеком умным, скромным и

стыдливым. Екатерина, опираясь на трость, навестила залы дворца, где французский танцор Пик обучал вальсированию ее внуков, Александра и Константина. После урока танцев императрица пригласила танцора к себе.

– Не хотите ли выпить чашечку кофе? – спросила она…

…

Потемкин предупредил Булгакова об удалении Шагин-Гирея. «Человек бездарный и смешной, – писал он, – имеющий претензию быть подражателем Петра Великого, на которого похож едино только разве жестокостью…» Булгаков встретил хана на пристани Константинополя и сказал, что из всех Гиреев он мог бы иметь самую громкую славу, но поступил крайне опрометчиво, вернувшись в лоно Турецкой империи… Ответ был таков:

– Я потомок Чингисхана, и мне ли кого бояться?..

Визирь Юсуф-Коджа доложил султану Абдул-Гамиду:

– Недостойный отпрыск Гиреев бесстыдно прибыл в Порту, хранимую Аллахом… Что делать с этим отщепенцем?

– Отправьте его пока на остров Родос…

На лице султана блуждала коварная улыбка, когда он медленно стянул с мизинца перстень, в оправе которого сверкал бриллиант. Вызвав к себе придворного ювелира, Абдул-Гамид вручил ему перстень, указав ногтем на бриллиант:

– Обрати его в мельчайшую пыль…

Шагин-Гирей, приплыв на Родос, поселился в домике на окраине греческого Неохори; местность была удивительно живописна, дозревали маслины, с лодок ныряли в море ловцы, доставая со дна знаменитые родосские губки для продажи их европейцам. Неподалеку была дача французского консула, которого Шагин-

Гирей любил навещать, чтобы угоститься вином.

– Гази-Хасан, здешний комендант, – предупредил его консул, – спрашивал вчера у наиба, как будут казнить вашу светлость: по фирману султана или безо всякого оповещения?

Шагин-Гирей впервые заподозрил неладное, но Гази-Хасан учтиво звал хана в гости и угощал очень дружелюбно:

– Чего бояться тебе, потомку великого Чингисхана?

Шагин-Гирей давно уже не пил такого вкусного кофе, каким его угощали. Утром начались рези в желудке. Они становились невыносимы. Хан катался по коврам, грыз их зубами:

– Я знаю, отчего так вкусен был кофе!..

Он посинел от боли и на пятый день умер в страданиях. К нему вошел Гази-Хасан с ятаганом, ловко отделил голову от туловища. Эту голову положили в мешок, на корабле доставили ее к Порогу Счастья. Перед дворцом султана голова Шагин-Гирея покоилась на богатом золотом блюде, бороду хана расчесали и умаслили аравийскими благовониями. А чиновник султана с указкой в руке привлекал к себе любопытных громким криком:

– Идите сюда! Вы еще не видели головы хана, носившего соболиный халат с плеч нашего падишаха, доверия которого он не оправдал… Смотрите, правоверные, какие у него бесстыжие глаза! Этими глазами он озирал и русскую кралицу…

Самая дорогая и самая утонченная казнь на Востоке – чашечка кофе с бриллиантовой пылью…

10. Решительный поворот

В два часа ночи сами по себе остановились бронзовые часы в Сан-Суси – умер король… Курьеры оповестили об этом столицы Европы, а Кауницу деликатно

сказали, что здоровье нового прусского короля Фридриха-Вильгельма II превосходное: он уже закупил две бочки марсалы, завел себе еще четырех любовниц.

– А как же здоровье короля Фридриха Великого?

Ответ нашли обтекаемый, избежав слова «смерть»:

– Фридрих Великий уже не играет на своей флейте…

Потемкин выслушал доклад о порядках в новых имениях.

– При князьях Любомирских, – говорил Попов, – украинских крестьян злодейски умучивали. Женщин подвешивали к потолку за волосы, бритвой подрезали по волоску до тех пор, пока волосы еще держали несчастную, и наконец она срывалась, оставляя у потолка лоскут кожи с остатками волос…

– Довольно! – крикнул Потемкин. – Садись и пиши: «Все находящиеся в купленном мною у князя Любомирского польском имении виселицы предписываю тотчас же спилить, не оставляя и знаку оных…» Добавь от меня сам, чтобы впредь люди страхов не имели, а кому из хохлов желательно, пущай ко мне едут… Пора уже нам украинцев к флотскому служению привлекать!

Он приехал в Петербург, когда русский Кабинет находился в состоянии душевной прострации. Спросил у Безбородко:

– Что у вас тут? Будто все с ума посходили?

– Старый Фриц богу душу отдал.

– Так еще немало разных Фрицев будет…

Безбородко объяснил перемены. Новый король Фридрих-Вильгельм II ограничен умом, но преисполнен самого пошлого чванства, а наследство ему досталось большое и грозное:

– Армия, финансы… Если дядя его на рожон не лез, то Фридрих-Вильгельм не таков. Мы тут крепко ныне удручены: как бы не возникло альянса его с турками, а то и с поляками.

– Польша отвергнет такой несуразный союз.

– Дай бог! Но продажность шляхты известна, в Варшаве вдруг объявился маркиз Луккезини – змий гадостный.

– А что слыхать о делах в Стокгольме?

– Разумовский принят с решпектом. Но… но…

Безбородко умолк. Потемкин принял решение:

– Чувствую, пора уже мне Суворова вызвать! К делу…

Суворов, командуя Владимирской дивизией, зажился в селе Ундолы, что на Сибирском тракте; цветники и газоны, разбитые им под окнами усадьбы, гудели от обилия пчел; с реки слышался смех крестьянских детей; на столе полководца лежали журналы и альманахи литературные. Приказ побуждал его спешить с отбытием; патент на чин генерал-аншефа возвышал, приближая к фельдмаршальству. Потемкин повелевал вступить в командование дивизией Кременчугской, что расположена была на Днепре.

– Дело! – воскликнул Суворов и – поскакал…

Смолоду Екатерина подбирала фаворитов из мужчин своего же возраста, сильных и дерзостных, которые помогали ей в управлении государством, но под старость ее женское внимание задерживалось на женоподобных красавцах, помышляющих более о своем благополучии и карьере, и чем незначительнее был молодой человек, тем больше он устраивал женщину… Безбородко разумел, что фаворитизм – сильное оружие при дворе, и он даже терялся, когда альков императрицы пустовал. Потемкин тоже испытывал тревогу от пустоты в сердце Екатерины, которую – после отставки безобидного Ермолова – следовало скорее заполнить. Он предложил своего дальнего московского сородича Александра

Матвеевича Дмитриева-Мамонова, красавца в возрасте восемнадцати лет…

Реакция со стороны Екатерины была неожиданной:

– Извини, дорогой, для кого ты фаворита избираешь? Для себя, наверное! Вы с Безбородкой много воли себе взяли, забывая, что я сама способна найти себе утешение…

Свою унизительную связь с танцором Пиком она тщательно скрывала, но шила в мешке не утаишь, и Потемкин резко заявил, что никогда не потерпит близ нее человека, абсолютно чуждого не только лично ему, светлейшему, но и его делам.

– Твои субтильства тем и закончатся, что я этого танцевальщика за ноги размотаю и в окно выброшу. – Словно продавая товар на базаре, Потемкин расхваливал своего кандидата. – Гвардии поручик, нравом веселый и комедии составляет, а по матери – из древней фамилии Боборыкиных.

Дмитриев-Мамонов был императрице представлен.

– Ахти мне, старой! – сказала она со смехом. – Рисунок-то приятен, но боюсь, что колер неисправен.

– Колер сама наводи, – отвечал светлейший…

Вскоре между ними возникло несогласие. Потемкин снова убеждал императрицу, что враждебность поляков к «москалям» на руку только врагам славянства. Сорок тысяч тульских ружей он согласен дать Польше, и был уверен, что поляки – отличные воины. Екатерина в делах польских была еще не уверена:

– Принц де Линь, – отвечала она, – пишет мне верно: если Польша шевельнется, она погибнет. Я пригласила де Линя сопутствовать мне в Тавриду, этот забавник каши не испортит.

– Goda! – отвечал Потемкин по-польски и, обиженный ее холодностью, на две недели скрылся в Нарве…

Здесь, в тишине провинций, под шум реки в порогах, светлейший занимался важной корреспонденцией. Не только Франция, но и Швеция с Пруссией обещали туркам деньги и оружие, лишь бы скорее возникла война с Россией; султан халатами и саблями, пиастрами и фирманами побуждал князей Кавказа к действию, лезгины снова собирались в набег на Грузию, Азербайджан и Авария приняли турецкое подданство. А шейх Мансур получил в дар от султана подзорную трубу и швейцарские часики… Потемкин понял, что в Нарве ничего путного не высидит, и вернулся в столицу, где счастливый Дмитриев-Мамонов подарил ему золотой чайник с надписью по-французски: «Мы соединены сердцами».

Потемкин отблагодарил сикофанта суровой нотацией:

– Ты дело свое делай, а лишнего не мудри…

Вскоре в Париже вышел двухтомный сборник пьес «Theatre de l’Hermitage», юный фаворит Дмитриев-Мамонов угодил в неплохую компанию авторов, средь которых были представлены, помимо самой Екатерины II, граф Александр Строганов, известный в ту пору писатель Эстад, дипломаты Кобенцль и граф Сегюр, писавший даже очень хорошо… Екатерина встретила Потемкина словами:

– Здравствуй. Сколько у тебя денег в банке Екатеринослава?

– Триста сорок тыщ. Помни: мне нужно на эти деньги открыть училище полевых хирургов. Имею еще шестьдесят тыщ.

– Подари их мне, – попросила императрица.

– Не дам ни копейки! Сам не трогаю – ради учреждения университета в краях новороссийских.

– Ты, как всегда, паришь в облаках…

– Но высоко парю! – отвечал Потемкин. – Турки ныне на конференцию мирную не согласятся, отовсюду к войне подначиваемые. А чтобы спасти Грузию от разорений кровавых, полагаю надобным войска наши из Тифлиса временно

удалить. Тогда не будет причин нападать на нее, и тем кровь грузинскую пощадим.

– Пожалуй, ты прав, – согласилась Екатерина. – Но с турками развязка одна возможна: оружием правоту доказывать!

Откуда-то издалека громыхнула пушка.

– Кто еще там стреляет? – удивился Потемкин.

– Сыночек мой построил в Павловске игрушечную крепость «Мариенталь» и звуком этим призывает гостей к обеду… Совсем как в Германии: за стол не сядут, пока не выстрелят.

Она протянула ему бумагу с грифом «Секретнейше».

– Я тебя ждала. Прочти и проникнись этим…

«Мы видим уже себя при дверях той необходимости, в которую поставляет нас оборона славы и безопасности границ наших… всяк безпристрастный признает справедливость нашу. В чем, вверив Вам главное начальство над армией, даем Вам ПОЛНУЮ ВЛАСТЬ…»

Екатерина в секретном рескрипте давала Потемкину полномочия своей властью открыть войну с Турцией в тот момент, который он сочтет нужным; Потемкину дозволялось самому устанавливать ту критическую точку, когда Булгакова следовало отозвать на родину.

– Слушай: я уже писала Булгакову, чтобы к моему приезду в Тавриду он был там – ради политических консультаций, а коли война случится, ты его при себе оставишь помощником.

– Сам буду писать ему, – отозвался Потемкин.

– Будь мудр, не спеши. Вольно ж тебе скакать по России так, что под тобою все коляски ломаются. Помни, дружок: каждые сто верст нужна остановка, чтобы чинить поломанное…

На прощание они расцеловались. Потемкин буркнул:

– Все стоящее повалю, все упавшее подниму.

– С богом!

Отпустив Потемкина, императрица позвала к себе Безбородко с вопросом: прибыл ли курьер из Стокгольма?

– Да, прибыл. Разумовский уже persona grata.

– Меня интересует: нашел ли он себе любовницу?

– Конечно! Наш посол уже вступил в связь с придворной графиней Вреде, урожденной баронессой Спарре, которая не только близка ко двору Густава, но и дружит с… Армфельдом.

– Какая умница! – похвалила его Екатерина. – Теперь мы будем знать все, что творится при дворе моего брата.

После отбытия Потемкина на юг она погрузилась в мрачную апатию и оживились снова, лишь отправившись в свое знаменитое путешествие – 2 января 1787 года.

…

Через каждые 20–30 верст между городами были разбиты сады, в степи отрывались глубокие колодцы. Потемкин создавал в садах деревни, заселял их пришлыми и беглыми. Весь остаток 1786 года он посвятил стремительным разъездам в пределах своего наместничества, всюду появлялся внезапно, как домовой из-под печки, вызывая в одних ужас, в других восхищение… Напротив

Херсона соорудил город Алешки (с домами и магазинами) с такой скоростью, с какой пекут блины.

13 декабря, ночуя в Кременчуге, Потемкин составил для Булгакова подробнейшие инструкции. Писал сам – при свечах, Попов чинил ему перья поострее. Булгаков должен был обязать турок в следующем:

1. Хранить в покое владения грузинского царя Ираклия, принявшего протекторат Российской империи;

2. Ни одного беглеца из России, будь то раскольник или уголовный преступник, не терпеть близ Очакова, а запорожцев, приюта у султана ищущих, всех высылать за Дунай;

3. Пресечь злодейства закубанских племен, дабы не похищали русских людей и скотину в станицах.

– Я бы добавил, – сказал Попов, – что Россия не нуждается в расширении пространств, и без того уже необъятных…

Севастополь встретил Потемкина порядком и салютом. Флаг-офицер Дмитрий Сенявин доложил, что город отстроен, а кто здесь главный – не узнать: все тут главные. Две эскадры отстаивались на рейдах, внушая уважительный трепет.

– Чудотворно здесь все! – заметил Потемкин.

Мордвинов выразил ему сомнение:

– Добро бы матушка одна ехала погостить, а то ведь экую свору с собою потащит – с императором да послами! Вот и думаю: что тут показывать-то? Раритетов памятных не водится, корабли да пристань – одна утеха.

Потемкин косил одиноким глазом, морщился:

– Душа у тебя, Николай Семеныч, хуже деревяшки: засох в бумагах на берегу, не разглядишь, что тут наворочено.

Мордвинов, кажется, обиделся:

– Ваша правда: вот именно что наворочено.

– И пусть! – отвечал Потемкин. – Но Севастополь в своем создании обретет еще славу создания Санкт-Петерсбурха…

В честь светлейшего на реях и вантах стояли ряды матросов. Пушки палили звонко и радостно. Потемкин оглядел свиту:

– А где же бригадир Федор Ушаков, куда его спрятали?

По суете, возникшей в рядах флотской элиты, было видно, что начальству нежелательно личное общение безвестного Ушакова с его светлостью, а Марко Войнович стал подлейше наговаривать на Ушакова, что сей бригадир флотский непослушен и горд, делает все не так, как на флотах мира принято…

– Сплетни о нем уже слыхивал! – ответил Потемкин. – Но любая сплетня есть только сплетня. А сплетня, кем-либо повторяемая, становится отвратительной клеветой… Явить мне Ушакова!

…

Путь на пользу – так официально именовалось предстоящее «шествие» Екатерины в Таврические края, для которого казна империи отпустила ПЯТНАДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ рублей. Большая политическая игра, которую затеяли Потемкин и Безбородко, стоила драгоценных свеч: пора уже было показать Европе, ради чего русский народ в кратчайшие сроки сотворил чудеса.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Анапа стала русским городом лишь в 1828 г.; позже, когда она потеряла всякое военное значение, жители Анапы устроили на валах крепости тенистые бульвары для прогулок.

2

Г.А. Потемкин, ознакомясь с проектом С.К. Грейга, как раз и выступил против него, утверждая, что задача флота в Архипелаге – лишь отвлечь турецкий флот от Черного моря, чтобы флот Черноморский обрел в нем свободу боевых действий. Таким образом, Екатерина сознательно вводила Кобенцля в заблуждение.

3

Много позже по делу «принцессы Зельмиры» возникла бурная полемика между историками кайзеровской Германии, защищавшими политику русского Кабинета. Зельмира была укрыта Екатериной II в замке Лоде (в Прибалтике), где и скончалась при загадочных обстоятельствах. Уже в нашем веке была вскрыта ее усыпальница, причем в гробу женщины обнаружили скелетик новорожденного младенца.

Купить: https://tellnovel.com/pikul-_valentin/favorit-kniga-vtoraya-ego-tavrida-tom-4

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити